

ВЛАДА АСТАФЬЕВА

МОРЕ ИГРАЕТ СО СМЕРТЬЮ

ЛЮДИ БЫВАЮТ БЕЗЖАЛОСТНЕЕ, ЧЕМ СТИХИЯ

— ДЕТЕКТИВ - ТРИЛЛЕР —

Путеводная нить. Психологический детектив

Влада Астафьева

Море играет со смертью

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астафьева В.

Море играет со смертью / В. Астафьева — «Издательство АСТ»,
2023 — (Путеводная нить. Психологический детектив)

ISBN 978-5-17-152149-3

Неожиданно сильная гроза превратила мир праздника в мир трагедии, обрушив отель на берегу моря. Казалось, что хуже уже не будет, но на территории спасательных работ один за другим происходят несчастные случаи, вроде как не связанные между собой, но заставляющие задуматься: только ли стихию нужно винить за гибель людей? Разобраться с этим предстоит психологу МЧС, спасателю и кинозвезде — до того, как кто-то из них станет следующей жертвой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152149-3

© Астафьева В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Влада Астафьева

Море играет со смертью

© Астафьева В., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Художественное оформление В. Половцев

* * *

Глава 1

Грозу в тот день никто не ждал

На кровати лежала женщина, а у женщины не было лица. И ее, конечно же, за это осуждали.

Она еще не осознала до конца, что случилось, и все надеялась на лучшее. После укола обезболивающего даже взбодрилась и теперь тянула руки к проходящим мимо врачам и медсестрам. Она умоляла их лишь об одном: дайте зеркало! Кто-нибудь, пожалуйста, дайте зеркало!

Она догадывалась о той новой правде, которой отныне будет наполнена вся ее жизнь. Просто верить не хотела.

Давать ей зеркало никто не спешил. У врачей не было на это времени: их не хватало, они разрывались между операционными залами и палатами. Медики, погруженные в мысли о лекарствах, диагнозах и возможных путях спасения, даже не слышали отчаянных просьб пациентки. Медсестры же слышали, но выполнять все равно не спешили. Одним было неловко и страшно рядом с ней, возле ее кровати они ускоряли шаг и старались не смотреть на женщину без лица. Другие бросали на нее укоризненные взгляды и ничего не говорили.

По крайней мере, не говорили ей. Друг с другом они ее обсуждали. Когда две медсестры, постарше и совсем девчонка, проходили мимо, Полина услышала, как первая сказала коллеге:

– Доигралась, дура! А ведь какая красивая была, куколка просто... Ничего, теперь на всю жизнь урок получила.

Медсестры не злорадствовали и не злились, нет. Такая реакция ожидала потом женщину без лица и от других. Медики же воспринимали ее историю через призму своего печального опыта. Они здесь боролись за каждого пациента, оплакивали погибших, ликовали, если кому-то удавалось вытянуть с того света. Они пропитывались горем, которое обрушилось на людей внезапно и без причины. А женщина без лица казалась им грешницей, потому что ее горя было так легко избежать... Раньше. Теперь уже нет.

Полина знала ее историю – и потому что по работе полагалось, и потому что все тут уже знали. Эта женщина не должна была пострадать и остаться без лица. Она вообще не должна была оказаться на месте аварии! Но пока спасатели, рискуя жизнями, выводили и выносили с территории предприятия рабочих, женщина эта прокралась туда сама.

Потому что она, тогда еще здоровая и красивая, была блогером. Она гналась за интересными кадрами и не смогла пройти мимо завывающего сиренами и исходящего клубами пара здания. Она решила, что найдет безопасный путь, запишет несколько интересных роликов и проведет прямой эфир для тысяч своих подписчиков. После этого она, естественно, вернется. Все ведь верят, что непоправимое случается с другими, а они, такие уникальные, хранимы невидимой дланью судьбы.

Однако жизнь оказалась лотереей, и в этот день женщине выпал неудачный билет. Последним, что она запомнила перед тем, как потерять сознание, была струя раскаленного пара, ударившая ей в лицо.

Полина смотрела последнее видео, записанное женщиной, и признавала, что любительница соцсетей была красивой. Теперь уже нет – теперь над шеей начиналось нечто опухшее, красное, шелушащееся и покрытое густыми комками мази. Хотя женщине повезло, на самом деле. Сейчас это вряд ли очевидно – но повезло. Она сохранила глаза. Не всем в этот день выпала такая возможность.

Некоторое время Полина тоже не подходила к пациентке – не для того, чтобы наказать и помучить ожиданием, а чтобы проанализировать поведение женщины, понять, что она собой

представляет, и наметить стратегию их разговора. Это не казалось сложным, поскольку Полина ее как раз не осуждала. Возможно, она была единственным человеком в здании, который этого не делал.

Потому что Полине уже доводилось работать с такими вот «селфи-жертвами» – не раз и не два. Она видела тех, кто после попытки снять удачный кадр остался искалеченным на всю жизнь. Она прекрасно знала, что через экран смартфона реальность попросту воспринималась иначе, это глушило и страх, и инстинкт самосохранения.

Когда те же люди видели перед собой огонь, обвал или оголенные провода, они реагировали иначе. Они пугались и бежали прочь – как и задумано природой. Однако экран смартфона делал опасности ненастоящими, не такими уж серьезными. Как будто всё происходит не здесь и сейчас, а в каком-нибудь фильме. И главный герой, несмотря на все опасности, обязательно выживет. Кто же убивает главного героя?

Поэтому те, кто заменил глаза смартфонами, подходили вплотную к диким животным, прыгали в огонь и срывались с крыш. Они не хотели умирать. Они были уверены, что ничего плохого не случится, что за кадр не придется платить так много. Они умирали, а та самая аудитория, ради которой они старались, крутила пальцем у виска. Говорила о премии Дарвина. Освобождала себя от жалости осознанием чужой вины.

Полина же не назначала виноватых, потому что это не было ее работой. Ее работа – спасать.

Окончательно определившись с планом разговора, Полина направилась к женщине без лица. Та, заметив, что на нее наконец обратили внимание, замерла; теперь она смотрела на Полину слезящимися глазами – в прошлом восхитительно голубыми, а ныне исчерченными кровавыми прожилками.

– Здравствуйте, Татьяна. – Полина заняла стул возле кровати и улыбнулась пациентке. – Меня зовут Полина, я психолог.

– Психолог? Но у меня есть психотерапевтка, ее зовут Ульяна, она сейчас в Барселоне... Мы работаем уже два года, мне не это нужно!

Такой ответ Полину не удивил – не впервой сталкиваться с потоком слов, призванным унести подальше истинную проблему.

– Я не претендую на роль Ульяны в вашей жизни, – пояснила она. – Я психолог МЧС, я помогу вам понять, что произошло прямо сейчас. Как к вам лучше обращаться? Как вас называют друзья?

– Таша, – прошептала пациентка. – У меня что-то с лицом... Я его почти не чувствую! То есть чувствую, но как-то странно... Я уже сто раз попросила дать мне зеркало, но меня как будто никто не слышит! Я даже оцупать собственное лицо не могу, потому что – вот!

Таша подняла вверх обе руки, демонстрируя плотные белые повязки. Ожоги были и там: на левой – потому что женщина успела закрыть ею глаза и этим спасла их, на правой – потому что в ней Таша держала смартфон. Правая рука пострадала сильнее – врач сказал Полине, что с кожи пришлось срезать оплавленный пластик.

– Вам сейчас не нужно зеркало, Таша, – мягко улыбнулась Полина. – Я расскажу вам, что произошло. Вас обожгло паром.

– Там не было пара! Я шла только туда, где не было пара, это точно, я же не дура какая! Клянусь! Там ничего не было!

Таша не выдержала, расплакалась. Полина пододвинула стул поближе, чтобы обнять дрожащие плечи пациентки.

– Таша, а теперь послушайте меня, прошу. Я буду говорить вам только правду. Сейчас вам нельзя смотреть в зеркало, потому что у вас может сложиться неверное впечатление о собственном будущем, это вас только расстроит. Вы когда-нибудь резали руку, Таша? Хотя бы чуть-чуть.

– Конечно! Со всеми же так было...

– Вот. Вы знаете, что какое-то время ранка выглядит не слишком приятно: она воспаляется, опухает, по краям появляется засохшая сукровица. Но потом все проходит, и кожа восстанавливается. То же самое с вашим лицом: сейчас вы на пике травмы. Дальше будет намного легче и лучше, поэтому просто не смотрите на то, что происходит сейчас, не нужно вам это.

Пациентка слушала ее – и успокаивалась. Полина знала, что так будет. Она работала уже много лет и изучила все свои преимущества и слабые места. Ее внешность не позволяла мгновенно получать дружеское доверие пациентов, зато она быстро производила впечатление человека, которому можно верить, который владеет ценной информацией, а не просто гуглить умеет.

Вот и теперь это работало. Таша как замороженная слушала ее спокойный бархатистый голос, и истерика отступала. Пациентка все еще плакала, однако нервная дрожь прошла, в голубых глазах мелькнула надежда.

– Значит, и шрама не останется? После царапин ведь шрамов не бывает?

– Иногда шрамы остаются и после царапин, – указала Полина. – И в вашем случае он, скорее всего, будет, Таша.

– Господи...

– Подождите, это еще не все. Я не сомневаюсь, что при первой же возможности вы начнете искать в интернете шрамы от ожогов и найдете совсем не то, что надо. Поэтому давайте я покажу вам пару картинок.

Наблюдая за ней со стороны, Полина подготовила и эту часть – визуальную, важную для таких людей, как Таша, связанных с интернетом и безоговорочно ему верящих. Психолог нашла примеры удачного заживления паровых ожогов, и теперь Таша смотрела не на ужасающие шрамы, которые с удовольствием демонстрировали, порой изготавливая с помощью грима, некоторые сайты, а на ровную, розоватую, туго натянутую кожу.

Для кого-то это стало бы хорошей новостью, но из глаз пациентки снова хлынули слезы. Таша попыталась прижать к лицу руки – и конечно же, не смогла.

– Я буду уродом! – всхлипнула она.

– Ни в коем случае. – Полина осторожно поглаживала ее по спине, говорила теперь тише, но все так же уверенно. – Таша, я просто не хочу, чтобы вы путали паровой ожог и полученный от открытого огня. У вас совсем неглубокое поражение тканей. Вам не понадобятся дополнительные операции. Вы выздоровеете от этого – как от болезни.

– Но я не буду прежней!

– Нет, не будете. Вы будете новой, но все равно прекрасной.

– Прекрасной? Да я буду пропаренным куском мяса! – Таша не выдержала, повысила голос. – Никто больше не станет смотреть мои видео! Лайки будут ставить только из жалости! Все начнут обсуждать, какой красивой я была и как тупо себя изуродовала! Думаете, я не знаю?!

Ее крики привлекли внимание. Ее осуждали теперь еще больше. Люди в белых халатах видели, как их пациенты теряют руки, ноги, глаза, как жизни теряют. Потеря лайков не впечатляла медиков, а злила. Кому-то из этих людей наверняка казалось, что Таша недостойна чудом доставшегося ей права жить нормальной жизнью после ошибки, которую совершила.

И только Полина понимала, что Таша на самом деле держалась не за подписчиков, лайки или эфиры. Она держалась за привычную жизнь, которая ускользала сквозь ее перебинтованные пальцы. Таша отчаянно не хотела обсуждать красавицу, которая каждое утро подмигивала ей из зеркала и будущее которой казалось гарантированно прекрасным.

Будущее же другой Ташы, которую она пока не знала, стояло на руинах счастья и пугало неизвестностью. И никакое осознание ошибки тут не помогло бы, потому что не все можно исправить. Сама Таша наверняка знала, что сгруппировалась на месте аварии. И что она

теперь могла сделать? Какую пользу принесло бы повторение одних и тех же обвинений? Хоть кому-то?

Поэтому Полина и считала обвинения излишними.

– Вам не обязательно менять свою жизнь кардинально, – сказала она. – Измените чуть-чуть – и добейтесь большего.

– Как это? – растерялась Таша.

– Переживите этот опыт – и поделитесь им. Расскажите миру свою историю. Предупредите других, чтобы не повторяли ваши ошибки.

Впервые с начала их разговора пациентка улыбнулась – робко, слабо, зато искренне.

– А ведь это можно... Я могу быть мотивационным спикером! Они тоже популярны!

– Вот видите? С вами случилась большая беда, но вы с ней обязательно справитесь, я вижу в вас силу, Таша.

– Да, я... Я тоже эту силу чувствую теперь! Спасибо вам! А вы проводите консультации?

– Нет, я работаю только на местах происшествий. Но вам это и не нужно, Таша, у вас все будет хорошо.

– Спасибо...

Перед уходом Полина обняла пациентку, а та прижалась к ней, доверчиво, как наплакавший ребенок. Полина ей не врала, она действительно видела, что Таша справится. Есть люди, которым нужно больше помощи, но эта пациентка была не из их числа. Одна нелепая ошибка не делала ее слабой и безмозглой и уж точно ни на чем не ставила крест.

Исправить нельзя только смерть, это Полина для себя определила уже давно. С остальным можно работать.

Таша стала ее последней пациенткой в этот день – и самой легкой по сравнению с остальными. Нужно было уходить, Полина чувствовала это: внутри уже клубилась пустота, которая становилась одним из финальных предупреждений перед срывом. Психологу хотелось помочь всем и сразу, однако она стала слишком опытной, чтобы попадаться в эту ловушку.

Всем помочь нельзя. Можно лишь отдать запас собственных сил тем, кому хватит, – и на сегодня Полина этот запас израсходовала.

Она вышла на улицу, и там все было другим – летним, теплым, бурлящим. Толпа не думала о тех, кто оказался пойман в здание больницы, как в клетку. Толпа жила мыслями о работе, покупках, прогулках, отпуске на море и поездке на дачу в выходные. И это нормально, потому что жизнь рвалась вперед, она была основным потоком, а горе – лишь боковыми ручьями, ответвляющимися от него.

Полина остановилась на углу, подняла лицо к небу, чувствуя на коже уютное тепло вечернего солнца. Она прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, прислушиваясь к ритму города. Чаще всего это помогало, но сегодня привычных мер оказалось недостаточно. Перед закрытыми глазами мелькали картины этого жуткого дня. Женщина без лица. Пожилой мужчина в ступоре уставился на руку – открытый перелом, оголенная кость. Красная кожа, желтые водянистые пузыри ожога. Рядом плачет парень – не потому, что ему больно. Потому что ожог не его. Если бы был его, он бы не плакал, он из тех, кто терпит с улыбкой и шуточками. Но ожог на коже его невесты, и парень хотел бы забрать ее страх и боль, но не может, и слезы льются сами...

Полина вздрогнула, открывая глаза. Ей показалось, что она снова чувствует острый запах лекарств и чуть приглушенный – обгоревшей кожи. Это не дело.

Она поспешила к метро. Там ей повезло: у перехода продавали садовые цветы с коробок, это не каждый день случалось. Полина, не торгуясь, купила огромный букет пионов – розовых и белых с тоненькими малиновыми полосками на лепестках. Прижалась к цветам лицом, вдохнула поглубже. Она чувствовала шелковистую прохладу, видела удивительную красоту кремовых лепестков, ощущала запах – густую сладость, как будто проникавшую и в легкие, и в

голову, отзывавшуюся где-то в районе лба спокойными волнами. Полина позволила этим пионам заслонить собой весь мир, стать единственным образом в ее мыслях, перекрывая остальные.

Сейчас это помогло, стало своего рода перезагрузкой. Однако Полина не позволила себе расслабиться, она понимала, что день был из трудных. Значит, чтобы он ослабил хватку, нужно нечто большее – и уж точно не одинокая ночь.

Поэтому Полина решила отправиться к мужу.

Они не договаривались, что она приедет сегодня. Несмотря на несколько лет официального брака, общим жильем они не обзавелись, да и не собирались. У каждого – своя территория, на которой супругу, впрочем, всегда находилось место. Вот и теперь Петр не удивился ее приходу, не стал возмущаться или настороженно расспрашивать. Он впустил Полину в дом и направился доставать большую вазу с антресолей.

Петр Олейников был удивительным созданием, это Полина поняла сразу. Если бы каждому человеку при рождении доставался тотемный зверь, Петр с уверенностью получил бы панду. Он сам был огромным, мирным и несколько ленивым. Он никогда не разменивался на бурные страсти – потому что попросту не мог их испытывать. Вся его жизнь была сытой, обеспеченной и успешной, и его это вполне устраивало.

Поначалу Полина еще подозревала, что все не так однозначно. Встречаются такие люди, которые внешне напоминают ледяную глыбу, а внутри, под этими льдами, пылают вулканы. Однако Петр определенно не из их числа. В его душе шумели вечные бамбуковые рощи, далекие от ненужных переживаний и попыток изменить мир.

Кого-то такое оттолкнуло бы, а Полину, наоборот, привлекло. На фоне хаоса, которым была жизнь психолога МЧС, мир Петра оставался тихой гаванью. Туда Полина приходила, побитая чужими штормами, выпотрошенная, уставшая. Только Петру она могла спокойно рассказывать об обожженных женщинах и плачущих от горя мужчинах, зная, что его это не заденет – не сможет просто.

При этом дураком он не был – ни в коем случае. Он привлекал ее умом, успешностью, спокойствием. Естественно, ее собственная душа, сплетенная из совсем других нитей, любить его не могла. Но когда они познакомились, Полина в любви и не нуждалась, она восстанавливалась после любви. И Петр, стойкий, уверенный и неизменный в любых обстоятельствах, ускорил ее исцеление.

Она понимала и то, чем выгодна Петру – он ведь тоже ее не любил, попросту не был способен. Однако в сексе он нуждался, против интересной собеседницы не возражал, а главное, он рад был заполучить женщину, которая никогда не обвиняла его в недостатке романтики и не требовала рыцарских поступков.

На этом понимании их союз продержался несколько лет. Правда, теперь он должен был закончиться, но сегодня Полина заявила еще на правах законной супруги.

– Ужинать будешь? – спросил Петр.

– Нет, так вымоталась, что даже есть не хочу, веришь?

– Верю. Бывает. Хочешь, кофе с халвой сделаю?

– О, вот это удачная мысль, – оживилась Полина. – Буду навеки благодарна!

– Что сегодня было?

– Промышленная авария. Крупная. Пострадали рабочие, наши ребята – спасатели, да еще девушка-блогер на свою беду сунулась...

– Я что-то такое слышал.

– Сейчас услышишь больше!

Она и правда пересказала ему все, что позволяла профессиональная этика. Полине это было нужно – чтобы отпустить жуткие образы из собственной памяти, чтобы они больше не кружили над ней, как стервятники. Она не позволила бы себе такого в общении с родствен-

никами и подругами, потому что их бы эти истории задели, ранили, напугали. Но Петр? Он оставался скалой, по которой чужие беды стекали водопадами.

Поэтому Полине было хорошо здесь. Сидеть с ним, дышать пионами, греть руки о чашку кофе с халвой. Не любить своего мужа – но чувствовать себя в безопасности рядом с ним. Уж такое не все могут позволить. Жаль, что с этим придется заканчивать.

Этой ночью они спали в одной постели. Петр не возражал – он никогда не возражал, с чего бы? А Полине важно было почувствовать себя живой и заснуть рядом с уютным теплом другого человека. Она понятия не имела, что принесет завтрашний день, но хотела встречать его с прежним запасом энергии.

Это помогло. Утром она чувствовала, что силы вернулись, онемение прошло, ее больше не держали черные когти мрачных видений. Если бы ей удалось провести с Петром и утро, получилось бы вообще замечательно. Но не сложилось – с незапланированным визитом пожаловало официальное лицо сил зла.

Впрочем, нет, вряд ли незапланированным. Любовь Петровна всегда приходила в квартиру сына в удачное время – она избегала неловких постельных сцен, однако не давала неудобной ей девице слишком уж обжиться в чужом гнезде. Полина не сомневалась, что этой даме за малую мзду докладывает кто-то из соседей. Она даже смогла бы вычислить, кто именно, да не хотела. Смысл? Она с самого начала знала, что Любовь Петровна – это сила, которую невозможно победить.

Собственно, именно эта сила когда-то стала основой их официального брака. Полина и Петр, познакомившись, быстро сошлись и ничего иного не желали. Их общение строилось на теплой дружбе и периодическом сексе, ни один из них не хотел большего.

Зато большего хотела Любовь Петровна. Она прекрасно знала, что в личной жизни ее сын тоже панда: если ему в клетку подсадят самочку – хорошо, если нет – гоняться за ней он не будет. Отношения с Полиной стали самыми долгими и серьезными в его жизни. Любовь Петровна предпочла не задумываться о том, есть ли там чувства и почему вообще так получилось. Ей хотелось закрепить успех и получить наконец-то внуков. Поэтому она с опытом многолетнего эксперта начала выклеивать печень всем вовлеченным сторонам и даже заручилась поддержкой родителей Полины.

Петр маму любил – спокойной, вялой, но единственной в его жизни любовью. Он не хотел ее расстраивать и попросил Полину подыграть. Она согласилась, потому что не нашла причин для отказа. Первое время Любовь Петровна даже была в эйфории – она победила, и это позволило ее воображению возвести воздушный замок этажей в десять.

Но время шло, и на новоиспеченную свекровь одно за другим обрушивались неприятные открытия. Например, то, что Полина не рвется рожать и сидеть дома с маленькими детками. Или то, что психолог МЧС – это такая профессия, при которой приходится мчаться в другую страну вечером, хотя еще утром на это время планировался поход в театр. Да что там говорить, молодожены даже съехаться не потрудились!

Сначала деятельная старушка приуныла, а потом признала, что ошиблась в невестке и партию нужно переиграть. Она позволила Полине и Петру оставаться супругами, лишь пока подыскивала замену. Но теперь подходящая «хорошая тихая девочка» была найдена, и каждый раз, стоило только в квартире появиться Полине, Любовь Петровна вваливалась к сыну с инспекцией.

– Я очень рада, что старые чувства то и дело вспыхивают, но с этим нужно заканчивать, – вещала Любовь Петровна из коридора, пока они одевались в спальне.

Полина без труда представляла недовольно нахмуренные брови и поджатые ниточки губ свекрови, которой предстояло стать бывшей. Знала она и то, как пройдет разговор – почти дословно. Ее это не беспокоило, она осознавала, что Любовь Петровна не расстроена, пожилая

женщина злится, а Петр... Петр по-прежнему панда. Панду можно разве что напугать, но для этого требуется горячий конфликт, которого не будет – не на чем ему гореть.

Если бы Петр не был пандой, он давно бы установил на дверях замки, которые невозможно открыть снаружи, когда изнутри вставлен ключ. Но хороший сын и мысли об этом не допускал – ведь это расстроило бы маму.

– Когда вообще завершится ваша эпопея с разводом? – поинтересовалась Любовь Петровна.

– Послезавтра.

– Вот и славно. Надеюсь, все имущественные споры улажены?

– У нас не было никаких имущественных споров, мама, – напомнил Петр.

– Петенька, я понимаю, что вы честные люди, но ведь закон есть закон! Вы прописали, что у Полинушки нет никаких претензий на твое имущество? Точно прописали?

– У меня их и не было, – заметила Полина.

– Полинушка! – воскликнула Любовь Петровна, и в одном этом слове яда было больше, чем в жале скорпиона. – Я верю, что ты честная девочка! Но никогда не знаешь, как жизнь сложится. Лучше все решить сразу, на берегу, как говорится. Вот ты, например, вообще не должна была больше приходить – а все равно здесь.

– Мама, мы о таком не договаривались, – вяло возразил Петр, – что Полина не будет приходить.

– Но вы же в процессе развода, милый, все уже решено! Зачем приходить тогда?

– Исключительно ради полового сношения, – не удержалась Полина.

Она слишком хорошо знала свою свекровь. Все, что связано с сексом, представлялось Любови Петровне грязным, низменным и заслуживающим всяческого порицания. Она не допускала, что ее чистый светлый мальчик может быть заинтересован в чем-то подобном. Если Петенька и решится на такое, то только ради внуков, через простыню и с испуганно зажмуренными глазами.

Полина находила это как минимум забавным, из симпатии к мужу старалась лишний раз не бить по больному – но иногда все же позволяла себе такое. Для разнообразия.

Из коридора послышался грохот – Любовь Петровна то ли уронила что-то, то ли упала, то ли лопнула от гнева. Хотя третий вариант все же пришлось отместить после ее возмущенного вопля:

– Полина!

– Не надо ее троллить, – укоризненно посмотрел на жену Петр. – Она все-таки немолодой человек, у нее сердце больное...

Полина лишь усмехнулась. Легенда о больном сердце Любови Петровны сопровождала их семейную жизнь годами и ничем, кроме слов, не подтверждалась.

Они оба собрались и покинули спальню. Полина забрала с собой лишь пионы – не из жадности, просто знала, что иначе цветы отправятся в мусорное ведро, как только за ней захлопнется дверь. Свекровь терпеть не могла цветы, которые описывала емким словом «вонючки».

Как и ожидала Полина, Любовь Петровна встречала ее в привычной позе: ноги широко расставлены, руки скрещены на груди. Брови нахмурены, а губы поджаты так сильно, что в уголках размазалась темно-вишневая помада. Казалось, что Любовь Петровна давно была не прочь завершить все в честном кулачном бою, но сдерживалась, чтобы не разрушить легенду о больном сердце.

– Полинушка, ты понимаешь, что так больше нельзя? – поинтересовалась свекровь. – Твой ритм жизни разрушителен, ненормален для женщины. Я просила тебя этого не делать, а ты все равно делаешь – вмешиваешься в чужую судьбу! Разве ты мало натворила?

Она говорила что-то еще, но Полина уже не слушала – она профессионально умела не слушать, если не нужно. Она скрывалась в своем теле, как в крепости. Слова, призванные при-

чинить ей боль, бились о стены крепости камнями, выпущенными из катапульта, но настоящего вреда не наносили.

Петр об этом не знал и попытался заступиться:

– Мама, если бы я не хотел видеть здесь Полину, она бы ушла. Но я хотел.

Однако это, как и следовало ожидать, спровоцировало лишь вспышку гнева посильнее предыдущих.

– Да? Ты и дальше будешь ее пускать? И когда вы наконец разведетесь? Тебе нужно освободить свою жизнь для хорошей девочки, вот тогда ты поймешь, что такое полноценные отношения. Ну а она что же? Бесплезное, бестолковое, бесплодное создание!

Один удар в крепость все же пролетел, оставил трещину на стене, разбил цветные витражи. Полина поняла, что уходить нужно поскорее.

– Я позвоню тебе, когда назначат время встречи, – бросила она Петру на прощание. – Скоро все закончится.

– Извини...

– Пустое.

– Петенька, за что ты извиняешься перед этой женщиной?!

Дальше она не слушала, позволила скандалу гроыхать за закрытой дверью. Полина быстро спустилась по лестнице и окунулась в белые солнечные лучи летнего утра. Мир был приятно теплым, не жарким, свежим и новым. Букет в ее руках заполнял все вокруг тягучим ароматом. Глядя на цветы, Полина мысленно представила, как сторают, разлетаясь серым пеплом, слова «бесплодное создание».

Она пришла сюда, чтобы отвлечься от работы. Теперь ей хотелось отвлечься работой от собственной жизни. Полина знала, что ждать долго не придется – один звонок, и хаос снова закружит, не оставляя времени смотреть назад.

* * *

В том, что в квартире есть кто-то еще, сомневаться не приходилось – этот человек и не таился. Ходил себе уверенно, гремел посудой на кухне, хотя и не должен был. Тут Марату, пожалуй, полагалось испугаться, потому что он никого не ждал и уж точно никого не впускал.

А страха все равно не было. Во-первых, он плохо помнил, чем закончился вчерашний день – возможно, он и приволок домой какую-нибудь девицу с влюбленным взглядом, хотя сто раз обещал себе такого больше не делать. Во-вторых, голова болела так сильно, что Марат не расстроился бы, и обнаружив на своей территории маньяка с топором. Пусть рубит, лишь бы это скорее закончилось!

Однако до кровавой расправы дело все никак не доходило, и Марат удосужился выглянуть из-под одеяла. Маньяка с топором поблизости не оказалось, зато к хозяину квартиры подошла Катрин и поставила на тумбочку возле кровати стакан с растворяющейся в воде таблеткой.

– Уходи и дай мне умереть спокойно, – простонал Марат.

– Выпей аспирин, станет легче.

– Не станет.

– Тебе сорок один год, – напомнила Катрин. – Поздно прятаться от своих проблем под одеялом.

– Однако ж я попытаюсь.

– Марат!

– Ладно!

Из-под одеяла вылезать не хотелось, солнечный свет, пробивавшийся в окно, резал глаза. Марату пришлось собрать всю силу воли, чтобы рывком выбраться из укрытия и взять стакан.

Помощи хотелось сразу, но пока прохладная вода лишь избавила от сухости во рту. Тошнота и головная боль никуда не исчезли, Марата не покидало ощущение, что его ночью переехал каток. Три раза.

– Что ты вообще здесь делаешь? – хмуро поинтересовался он. – Как в квартиру вошла?

– О, а это занимательная история! Подхожу я, значит, к твоей квартире, прикидываю, как буду тебя будить – хватит звонка в дверь или нужно будет вызывать пожарных? Но не понадобилось ни то, ни другое: в замке гостеприимно торчали ключи. Полагаю, что всю ночь.

– Ну, бывает и так! – развел руками Марат. – Как думаешь, грабанули?

– Думаю, что нет. Вся техника на месте, а где ты хранишь деньги – я не знаю. Но тебе не будет так везти вечно, это тревожный звоночек.

Марат был согласен с тем, что звоночек и правда не слишком мелодичный, однако настоящего страха не чувствовал. Его квартира располагалась в элитном жилом комплексе, попасть в подъезд не так-то просто – это Катрин знала код. Ну каковы шансы, что тут ночью бегали грабители и искали незапертые двери? Статистическая вероятность – на его стороне.

Вот только доказывать это Катрин бесполезно. Она продолжала наблюдать за ним с осуждением, зажгла сигарету, не спрашивая разрешения. Напоминать, что у него в доме не курят, бессмысленно. Обычно Марат просто забирал у нее сигарету и тушил сам, однако пока это было выше его сил.

– Где ты вообще шляется? – спросила Катрин.

– Понятия не имею.

– На вечеринке у Юрченко.

– Очень может быть, – пожал плечами Марат.

– Это сейчас был не вопрос – я точно знаю, что ты торчал на вечеринке у Юрченко.

Оттуда полно фотографий.

– Если знаешь, зачем спрашиваешь?

– Хотела проверить твою память.

– Ну и зря. Я там хоть не опозорился?

– Нет, на фотографиях ты смотришься очень достойно, публика по-прежнему тебя боготворит.

Эта новость Марата не обрадовала и даже не удивила, он знал, что так будет. Он отдал профессии большую часть жизни, правильное поведение перед камерами отработано до уровня инстинктов. Как только рядом появлялись фотографы, он принимал выигрышную позу, выдавал идеальную улыбку и никогда не срывался. Не важно, насколько он был пьян и как много запоминал. Важно, что попадало потом в интернет.

Катрин все это понимала, потому и не громыхала сейчас. И все же беспокоилась она не зря – это Марат тоже признавал. Он давно не срывался вот так, да и не должен был, не планировал, все получилось само собой. Причину он знал, просто думать о ней не хотел – слишком больно было. Даже сейчас, спустя столько месяцев.

– Слушай, я не хочу давить на возраст, а придется, – вздохнула Катрин. – Ты уже не мальчик. Одна такая попойка – не плохо, не критично. Но если это станет традицией...

– Не станет, – прервал ее Марат. – Все под контролем.

Аспирин наконец подействовал, головная боль не отступила окончательно, но утихла, да и мир перед глазами перестал искажаться. Марат позволил себе подняться с кровати и потянуться, разминая затекшие мышцы. Собственная нагота его не смущала, хотя Катрин и не думала отворачиваться. К чему этот ложный стыд? Что она там не видела?

Многие в тусовке считали, что они с Катрин любовники – а напрасно. Сейчас их удерживали вместе многочисленные общие проекты и старая дружба. Занимались сексом они раньше, в самом начале пути. Он был беззаботным и готовым покорять любые вершины. Она была нежной, робкой Катенькой с вьющимися волосами и глазами олененка. Они могли или остаться

навсегда такими, или остаться в кинотусовке – одно из двух. Но Марат радовался тому, что они сошлись именно в то время и даже верили, что любят друг друга. Потом, конечно, стали достаточно взрослыми, чтобы препарировать собственные иллюзии, но тогда... Тогда было прекрасно.

А потом он осознал, что цепи и клетки существуют даже для тех, кто очень хочет быть свободным. Она же превратилась в циничную, сухую Катрин, которая выкуривала по двадцать сигарет в день и которую никто не мог сломить. Он невольно пустил свою жизнь под откос, она так и не вышла замуж, но давно уже не подпускала к себе любовников старше двадцати пяти лет. Впрочем, дружили они не вопреки, а благодаря всему этому. С годами людей, которым Марат мог доверять, оставалось все меньше – но каждого такого человека он ценил очень высоко.

– Все еще в форме, – одобрительно кивнула Катрин. – Хорошо. Одутловатых алкашей на рынке и так переизбыток, на них есть спрос, но предложение его превышает.

– Тогда я буду подтянутым алкашом.

– Я тебе вообще алкашом стать не позволю.

– Да я ж несерьезно, – отмахнулся Марат. – Жаль, что ты это увидела, я не хотел. Ты чего вообще вламываешься на частную территорию? Могла бы позвонить.

– Могла. И звонила. Но дозвониться на выключенный телефон даже в наш продвинутый век проблематично.

Сначала Марат подумал, что попросту потерял телефон в клубе, такое уже случалось. Однако аппарат обнаружился на полке, целый и невредимый, выключенный добровольно. Вспомнить, почему так получилось, было несложно, и Марат досадливо поморщился.

Катрин, прекрасно знавшая его историю, мгновенно поняла, что к чему:

– Она опять это сделала, да?

– Да уж...

– Я тебе действительно сочувствую. Если хочешь, я попытаюсь повлиять на нее.

– Не надо, – покачал головой Марат. – Она только этого и ждет. Ксюха поняла, что сама себя загнала в угол с точки зрения закона. Теперь она гадит не просто так. Она хочет добиться хоть какой-то реакции, ей нужно что-то продать журналистам. Даже если ты просто попытаешься с ней поговорить, шепотом и с десятью извинениями, она выставит все так, будто ты прокляла ее детей до третьего колена.

– И что теперь? Терпеть ее выходки?

– Получается, что так. Думаю, ей скоро надоест, да и я привыкаю.

У него получилось произнести это вполне убедительно, будто иначе и быть не могло. Марат не стал уточнять, что еще вчера утром он не собирался идти ни в какие клубы и напиваться там. Но Ксения решила снова развлечься телефонным терроризмом, и иного способа справиться с болью уже не осталось.

– Так же нельзя, – отметила Катрин, затушив сигарету в пепельнице, которую сама принесла в эту квартиру.

– Ну да. Но чем больше у меня получается, тем больше она бесится. Недавно у нее было затишье, но после швейцарцев опять началось.

Вот это как раз правда. Какое-то время от Ксении не было вестей, и он опрометчиво позволил себе поверить, что она уgomонилась. Но вскоре с ним заключил контракт поставщик швейцарских часов, фотографии Марата появились по всему городу. Ксении это, видимо, очень не понравилось, а мстить она умела лишь одним способом.

– Думаю, я все-таки способна тебе помочь, – объявила Катрин.

– Прошу ведь: не лезь к ней!

– О, к ней я как раз не полезу, я вообще стараюсь не контактировать с дерьмом в человеческом обличье. Я планирую убить двух зайцев одним выстрелом: использовать тебя по делу, не давая тебе окончательно спиться, и сделать ее попытки связаться с тобой очень дорогими.

– Заинтриговала, – признал Марат. – Продолжай.

– Одни мои хорошие знакомые взялись за масштабный проект – уже под канал, бюджет есть, сценарий есть, команда, об этом даже не думай.

– Что за проект?

– О работе МЧС, – пояснила Катрин. – В нашей стране и в других странах, специфика, разные представители и все такое... Опять же, для этого есть сценарий, уже одобрен, там все учтено. Не хватало только раскрученного лица, чтобы вести это действие. Я предложила тебя, они осознали, что это гениальная идея. Ты подходишь по всем параметрам – уже не щенок, но песок из тебя не сыплется, в меру brutальный, твое имя на слуху.

– Еще немного, и сам собой восхищаться начну, – усмехнулся Марат.

– Зря ерничаете, ты действительно отличный вариант, потому что у тебя, насколько я знаю, прямо сейчас никаких проектов нет, и это тоже важно.

– Вообще-то, я подумывал согласиться на одну роль...

– Вообще-то передумаете. Тебе это тоже нужно.

– Даже так?

– И никак иначе, – хмыкнула Катрин. – Дело не в деньгах, хотя, держу пари, за документалку тебе заплатят больше, чем предлагали за ту роль. Ты постоянно будешь при деле, ты окажешься в условиях, когда бухать просто не получится. Ну а главное, ты много времени проведешь за пределами страны. Интернета там, скорее всего, не окажется, а бывшая твоя разорится отсылать тебе видео по мобильной связи. Да и опять же, сменишь обстановку, получишь новые впечатления! Это гарантированно поможет.

Насчет гарантий Марат уверен не был, но признавал, что Катрин права хотя бы отчасти. Он ведь уже многое перепробовал – и ничто по-настоящему не помогло. А это будет встряска во всех смыслах. Марат любил новые проекты, и такого в его жизни еще не случалось.

Аспирин действовал в полную силу, ясность мыслей вернулась, боль отступила, и жизнь казалась совсем не такой поганой, как час назад.

– Ладно, продано! – Марат демонстративно поднял вверх обе руки, словно сдаваясь в плен. – Куда ставить подпись, когда собирать чемодан и куда вообще летим?

* * *

Грозу в тот день никто не ждал.

Синоптики, суровые мужчины на метеорологических станциях и красивые женщины на телеэкране, дружно обещали, что грозовой фронт пройдет стороной. Пошумит возле гор, прольется над несколькими городами и поселками – и все. Ничего страшного. Ничего опасного.

Однако природа отказалась подыгрывать. Гроза пришла черным облаком, глухим рокотом, от горизонта до горизонта.

Она с силой трепала ветви старых сосен, порой ломая толстые прямые стволы. Она обрывала цветы с кустарников, поднимая их в воздух пестрыми смерчами. Она пела и хохотала над землей, и люди прятались, испуганные, издали слышав ее голос. Им не нравился этот голос – он был непривычно громким, заранее торжествующим, не сулящим ничего хорошего им, таким маленьким и беззащитным перед распахнутой пастью стихии.

Люди надеялись, что гроза пройдет стороной, а грозе хотелось поиграть – как охотничьей собаке, которую слишком долго держали на цепи, и вот она наконец сорвалась. Гроза била по проводам невидимыми плетями ветра – и рвались провода, и падали на землю. Желтые окна становились черными. Люди, пораженные темнотой, будто ослепшие, сжимались в своих

укрытиях и дрожали в дрожащих от урагана домах. Смешные маленькие люди! Разве не знали они раньше, какие они хрупкие? Разве не знали они, что смертны?

Гроза добралась до моря и над ним переродилась в шторм. Шторм был сильнее грозы, и море любило его, как любят победителей. Оно тянуло к нему острые черные волны и сливалось с ним, сотворяя в этом союзе смертоносное чудовище, разозленного Кракена, древнее божество воды.

И снова люди смотрели в ужасе. Они не знали такого моря! Еще вчера оно было мирным и любило их, ласкало, качало на волнах. Оно мягко накатывало на песчаные пляжи, обтачивало для людей разноцветные камушки и дразнило облаками пены детей. Если и хмурилось оно, то все равно без битвы, без гнева – оно капризничало, забрасывая берега мусором, который люди смиренно уносили, и вновь наступал мир.

Но море, объединившееся со штормом, словно забыло про свое прошлое. Оно грохотало, поглощая испуганные крики. Оно бросалось на берег, забирая землю, которая никогда ему не принадлежала. Оно било таранами высоких черных волн по стенам, построенным над его берегами, оно ненавидело их, как клетку.

Оно поднялось высоко над белым зданием – до самой крыши почти – и рухнуло на него потоками воды. Здание выдержало. И снова штормовое море ударило – а здание выдержало. И люди, видя это, боялись моря, но верили в здание, потому что здания всегда побеждали.

Но не сегодня, нет, в этот день многое пошло не так. Когда в сотый раз ударило море, здание застонало и сдалось. Оно не отдавало победу по чуть-чуть, давая людям шанс уйти. Оно рухнуло разом, быстро, плита к плите и колонна к колонне. Внутри кричали и плакали, внутри метались и молили. Но не было больше здания – и не было больше времени. Камень, и дерево, и стекло сомкнулись единым капканом, сдавили, переломали, перемололи – и ничего не осталось, живое так легко и необратимо стало мертвым.

Волны, с триумфом возвращавшиеся в море, кипели алой пеной.

Глава 2

Здания умирают по-разному

За годы работы в МЧС Борису Доронину доводилось видеть гибель многих зданий. Он о таком не болтал, но порой они казались ему живыми существами, по-разному относящимися к собравшимся внутри людям.

Одни здания, даже погибая, старались завалиться так, чтобы никому не навредить – и у них каким-то чудом получалось. Другие, рухнув, создавали пустоты из плит и уцелевших колонн, в которых немногочисленные выжившие могли долгими днями укрываться в ожидании помощи.

Но здесь все было иначе. Корпус отеля просто схлопнулся, как тот пресловутый картонный домик. Основное здание лежало перед спасателями плоской грудой строительного мусора, в которой уже невозможно было опознать величественную в прошлом постройку.

Выживших в этом здании не оказалось. Их еще в первые дни находили в обрушившихся пристройках – среди которых, к сожалению, оказался и игровой клуб для детей. Тогда оставалась надежда, были радостные вести... Теперь уже нет. Руины проверили несколько раз всеми доступными методами. Жизни там больше не осталось.

Однако спасателей все равно ожидала грандиозная работа, ведь под завалами захоронено несколько сотен тел – в основном туристов и исключительно из России. Поэтому бригаду Бориса и направили сюда.

Отель, пусть и расположенный на территории Турции, принимал туристов только из одной страны, потому что львиная доля его акций принадлежала российской компании. Место в прошлом было прекрасное: старый сосновый лес, цветущие аллеи, несколько бассейнов, рестораны, бары, а главное – величественные белоснежные корпуса. Территория вечного праздника.

Теперь-то праздник предсказуемо прекратился. Жизнь продолжалась в уцелевших корпусах – их шторм не тронул, они располагались подальше от моря. Но там, возле обрушившегося здания, все замерло, затаилось, словно придавленное общим горем.

Чем ближе Борис подходил к руинам, тем больше было легкой белой пыли. Она лежала повсюду – на земле, на траве, даже на длинных иголках сосен. Когда корпус отеля рухнул, все было прибито водой. Однако жаркое южное солнце быстро высушило обломки, ветер подхватил строительную пыль и засыпал ею все вокруг. Из-за этого казалось, что в отеле только-только закончилась реконструкция, скоро все пойдет по-старому. А на самом деле белая взвесь означала смерть, и Борис не представлял, у кого хватит совести восстанавливать этот отель, снова строить развлекательное заведение на месте, где пролилось столько крови.

Хотя у кого-то, пожалуй, хватит. Торгаши сентиментальностью не отличаются, они станут думать лишь о том, что это выгодное место. Да и новые туристы, которые приедут сюда в следующие сезоны, предпочтут не знать, что здесь случилось раньше.

Однако хотя бы в этом году траур будет соблюден – и на том спасибо. Борис знал, что те туристы, которых трагедия совсем не коснулась, покинули отель при первой же возможности. В уцелевших корпусах остались только те, чьи родные угодили в больницу – или погибли. Их ожидала незавидная миссия опознания тел.

Ну а Борису предстояло тела доставать. Он готовился к этому в короткие минуты перерыва, прогуливался среди сосен и присыпанных строительной пылью цветущих кустарников, наблюдал за рыдающими людьми, которые все пытались прорваться за ограждение из пластиковых лент, однако охрана и полиция никого не пускали.

А потом его взгляд наткнулся на этих клоунов, и настроение, без того паршивое, рухнуло ниже дна. Борис уже знал, что на территории отеля проходят съемки документального фильма. Это вроде как должно было ему льстить – но не льстило. Он не верил, что такая вот киношка заставит кого-то с большим уважением относиться к работе спасателей или беречь собственную жизнь. Да и как ее убережешь, если на тебя отель падает?

Так что пользы Борис в этом не видел, лишь желание получить прибыль и рейтинги. Создать чудовищную кровавую картинку, за которой зрители будут наблюдать со своих уютных диванов и радоваться тому, что трагедия произошла не с ними.

Если бы выбор остался за Борисом, он бы и вовсе запретил клоунам доступ на территорию. Однако его начальство ко всему относилось иначе, и съемочная бригада тут чуть ли не царями ходила. Они еще актера этого с собой притащили, физиономию которого разве что на утюгах не размещали... Зачем? Какое отношение он имеет к спасателям? Показуха и постановка, не более.

– Ты на них так смотришь, будто выбираешь место, где их лучше прикопать, – прозвучал у него за спиной знакомый голос. – А так не надо. Грех это.

Отвлечись на съемочную бригаду, Борис не услышал, как к нему подошли, но и не испугался. Хороший из него был бы спасатель, если бы его нервы так легко подводили! Он спокойно обернулся и пожал руку стоявшему перед ним священнику.

На места масштабных трагедий священники приезжали постоянно – в составе группы психологов. Просто встречались люди, которые психологам не доверяли в принципе, зато всегда были готовы довериться служителю церкви. Ну и конечно, там, где вмиг происходило столько смертей, с представителем духовенства проще, он говорил то, чего психологи сказать не могли.

При этом священники попадались разные: Борис работать мог с кем угодно, а вот ладил не со всеми. И отец Гавриил как раз был прекрасным вариантом. Он не только искренне веровал, он получил высшее психологическое образование, постоянно работал над собой, вел популярный канал в интернете и умел найти общий язык с любым собеседником. В священнике не ощущалось ни намека на фанатичность, он спокойно относился к тем, кто не принимал его помощь и даже его религию. Отец Гавриил считал, что рассудит всех Господь, а задача служителей Его – только помогать. Из-за седых волос он порой казался стариком, но Борис знал, что священнику около пятидесяти пяти лет. Впрочем, возраст значил для отца Гавриила не так уж много, он остался активным, подвижным и умудрялся успевать больше, чем от него ожидали.

Вот и теперь он выглядел бодрым, энергичным, хотя и не жизнерадостным – он ведь прекрасно знал, что здесь случилось.

– Не знал, что к нам приставили тебя, – отметил Борис.

– Горюешь?

– Нисколько. Мне уже сообщили, что местные не очень радуются нашему приезду, тут нужен кто-то деликатный.

– Постараюсь не подвести, – улыбнулся отец Гавриил. – Мы с психологами сегодня приехали, так получилось. Гроза все еще кружит, в аэропорту большие проблемы, нервно было... Но добрались – и слава Господу!

– Отлично, психологи приехали сегодня, а киношники – еще вчера! Один я понимаю, что это цирк?

– Может, и цирк. Почему тебя это печалит?

– Разве это не святотатство? Разве тебе как священнику не полагается их презирать?

– Священнику вообще никого презирать не полагается, не наше это дело. Что же до фильма, то от него может быть благо, в зависимости от того, как его сделают. Людям и так показывают достаточно забав. Иногда им нужно напомнить, что в мире полно горя, которое может коснуться каждого.

В этот момент Борис наблюдал, как артист, имя которого он никак не мог вспомнить, выдал на камеру отработанную улыбку. Ну и что этот человек может рассказать, что понять? Очередная пустышка с достаточно гибкой совестью, чтобы пиариться на трупах.

Для себя Борис уже решил, что его в эти съемки никак не втянут. Начальство может хоть пеной изойти – а уволить не посмеют, он прекрасно знал, что его считают одним из лучших.

– Снова злой взгляд, – невозмутимо указал отец Гавриил. – Множить злобу не надо, она и так расползается быстро, как плесень. Думай не о том, что угнетает тебя, а о прекрасном.

– Что может быть прекрасного на месте катастрофы?

– Люди. Люди – лучшее из созданий Божьих.

– И почему у тебя на все ответ готов – никогда не пойму, – вздохнул Борис. – Но пусть эти создания держатся подальше от меня, я здесь не для того, чтобы на них любоваться или с кем-то знакомиться. У меня на это нет ни времени, ни желания.

– Охотно верю. Но знакомиться и не нужно – вот меня ты знаешь, и не я один прибыл с командой психологов из числа твоих знакомых. Полина Розова тоже там. Ты же помнишь Полину?

Вопрос был почти провокацией, не слишком подходящей для священника, но и лишенной истинной язвительности. Борису вообще полагалось на такое не реагировать – потому что Полина вроде как не имела значения, не для него так точно.

А он почему-то оказался не готов. Вот так глупо и наивно – не готов к тому, что она будет здесь, на территории отеля, с которой нельзя уходить. Значит, они обязательно пересекутся, им придется говорить... Сколько они уже не работали вместе? Пять лет, шесть? А вне работы они и не должны были встречаться.

– Рад за нее, – только и сказал Борис. Но прозвучало это слишком поздно, чтобы сойти за банальную вежливость.

– Она уже знает, что ты здесь.

– Мне-то какое до этого дело? Я женатый человек!

Он и сам не понял, зачем ляпнул это, сорвалось, и все. Теперь Борис угрюмо уставился на отца Гавриила, ожидая, как отреагирует священник. Упрекнет его или нет? Должен бы упрекнуть, наверно...

Но отец Гавриил упрекать не стал.

– Я потому и сказал, чтобы для тебя это не стало шоком. Подготовишься – и встреча пройдет как по маслу.

– Да я не... В смысле, я... Короче, это уже не важно. Все, что было раньше, неважно.

– Прошлое не отпускает нас только потому, что нам этого хочется, – указал отец Гавриил. – Но ты все сказал верно, ты женатый человек, никогда не забывай об этом. Сколько там у тебя деток, двое?

– Трое уже.

– О, поздравляю! Это дело правильное и богоугодное. Ты муж и отец, Полина тоже жена, но это не значит, что вы не сможете стать друзьями, если все выстроите правильно.

И только Борису показалось, что он уже успокоился и больше не потеряет контроль, как в груди неприятно кольнуло.

– Она замужем?

– Я видел кольцо на пальце. Что тут удивительного? Полина – замечательная девушка, она действительно достойна счастья. Боря, то, что здесь происходит, коснулось многих людей, которым вы оба должны помочь. Забудьте эгоизм, думайте о них, и тогда все будет хорошо. Люди превыше всего!

Вот теперь отец Гавриил сказал все, что хотел. Он развернулся и зашагал прочь, а Борис еще некоторое время стоял на присыпанной строительной пылью дорожке, пытаясь понять,

почему новость про чужую свадьбу его задела и почему вернулась старая, сто лет как позабытая боль. Не острая, слабая и ноющая, но все равно неуместная.

Ладно, это и правда не имеет значения. Он по опыту знал: как только доберется до руин и начнет доставать оттуда тела, все остальное быстро забудется.

* * *

Марат не единожды бывал в Турции и мог сказать, что это типичный дорогой отель – с великолепными номерами, ухоженной территорией и роскошью природы. Точнее, был типичным дорогим отелем. Теперь все иначе.

– Друзья, мы с вами находимся на территории отельного комплекса «Пайн Дрим», – рассказывал Марат объективу телекамеры. – Объект во многих отношениях уникальный. Главная его особенность в том, что он был построен на границе природного заповедника.

Работал Марат не первый год, знал, как говорить правильно – с какой громкостью, с какими интонациями. А главное, ему вообще не обязательно думать над словами. Он выдавал заученный текст сценария, а мысли уносились далеко отсюда – как раз к тому заповеднику.

Марат еще не успел толком осмотреться, съемочная бригада только-только добралась до «Пайн Дрим». Но даже первого впечатления было достаточно, чтобы отдать должное этому месту. Три здания отеля затерялись среди пологих холмов, заросших соснами, елями, можжевельником, иногда – акациями и деревьями, названия которых Марат не знал. Из-за этого мир казался зеленым, каким-то непривычно чистым и безмятежным. Дорога терялась среди холмов, и, стоя на вершине, несложно было представить, что ты оказался в далеком прошлом. В тех днях, когда сама планета недавно родилась, вокруг тебя – только лес, а прямо перед тобой – ровный синий горизонт моря.

Пожалуй, таким это место предстало много лет назад перед строителями, которые были возводить отель. Интересно, было ли им жаль вырубать эти сосны? Или строители сентиментальностью не отличались? Может, кто-то и уходил, но на их место приходили новые. Проект стал слишком дорогим, чтобы от него отказаться.

– Это место идеально для того, чтобы укрыться от цивилизации, – продолжил рассказ Марат. – Ближайший большой город находится в двух часах езды на легковом автомобиле. До аэропорта – пять. Неподалеку от отеля расположился рыбацкий поселок, в нем набирали персонал. Но местечко это совсем маленькое, и о цивилизации оно уж точно не напоминает. В «Пайн Дрим» природа все же оставалась царицей.

В этот момент оператор отвлекся, чтобы снять черепаху, неспешно проходившую по ближайшей лужайке. Большую такую черепаху, коричнево-зеленую, с узорчатым панцирем и мордой существа, узревшего все беды мира и от всего утомившегося. Здесь таких водилось в избытке – как и прочего зверья, а уж птиц собралось столько, что их щебет не смолкал ни днем, ни ночью, гармонично сливаясь со стрекотом цикад.

Было ли здесь так же мелодично в дни строительства? Нет, вряд ли. Птиц и зверей наверняка распугал неизбежный грохот, с которым прибыли тяжелые строительные машины. И опустили леса, и ближайшие воды тоже наверняка опустели. Человек в очередной раз напомнил о своем месте в пищевой цепи.

Это в любом случае должно было случиться – такое явление людей, рано или поздно. Странно, что все-таки поздно, что и здесь не появился какой-нибудь поселок. Место оказалось примечательное: береговая линия делала изгиб, создавая среди холмов уютную тихую бухту. В ней было спокойно, даже когда море волновалось у горизонта.

Правда, только если оно волновалось несильно. Потом весь мир узнал, что бывает, когда сюда приходят большие волны.

Так ведь до этого проблем не возникало! Идеальное место для рыбацких лодок, на самом-то деле. Почему же люди не пришли? Не смогли собственными ограниченными средствами одолеть природу? Или какой-то тайной, на уровне инстинктов передающейся мудростью предугадали, что здесь однажды произойдет?

– Сделаем еще один дубль? – предложила молоденькая девица, которую Катрин послала организовывать съемки. Это было первое задание юной особы, и она волновалась до нервной дрожи. Марат никак не мог запомнить имя ассистентки, но каждый день обещал себе это исправить.

– Да без проблем, – пожал плечами он. – Сколько нужно.

Режиссер тоже не стал возражать, и вряд ли потому, что так уж ценил мнение своей юной спутницы. Марат уже успел заметить, что в отеле эти двое заселились в один номер.

Они сменили место съемки – перешли к аллее, где чередовались розовые и белые кусты олеандра. Это растение принес сюда человек, высадил, вырастил, и теперь ветер небрежно играл нежными ядовитыми цветами. Аллея прямой стрелой тянулась к морю, поэтому оператор решил снять проход. Марат не спорил, он по-прежнему думал о другом.

– «Пайн Дрим» уникален не только своим расположением. В то время как другие отели принадлежат в основном местным компаниям, этот комплекс со дня своего открытия стал международным. Им практически в равных долях владеют русская и турецкая фирмы. Именно поэтому основными клиентами «Пайн Дрим» становились выходцы из нашей страны и стран СНГ, реже – местные жители, которым хотелось отдохнуть так близко к заповеднику.

Проект получился по-царски роскошным – об этом зрителям сообщали не слова Марата, а картинка на экране. Среди сосен поднимались два светлых пятиэтажных корпуса – раньше их было три, но то, что осталось от третьего, появится в кадре потом. Два сохранившихся по-прежнему впечатляли аристократичной элегантностью: это были не просто дома-коробки для тех, кому нужно переночевать в перерывах между выходами на пляж. Они гармонично вписывались в густую зелень заповедника, не уродуя пространство, они не притягивали взгляд, как сальное пятно на безупречной картине. Нет, отелю полагалось создавать ощущение параллельного мира, где нет забот и бед.

Он справлялся с этой миссией – до недавних пор.

– Строительство началось в конце прошлого века, сразу же после подписания контракта. И в тысяча девятьсот девяносто девятом году «Пайн Дрим» открыл свои двери для первых туристов.

Зеленую гармонию пространства теперь разрезали яркие белые ленты, подвешенные среди деревьев. Они четко обозначали, куда отныне соваться нельзя, хотя с такой ролью неплохо справилась бы и строительная пыль: с каждым шагом к эпицентру трагедии ее становилось все больше и больше. Марат подозревал, что и без ленточек туда никто бы не пошел. А пластиковые полосы все равно висели, потому что так было положено. И эти белые линии становились границей, разделяющей реальность.

Одна сторона оставалась неизменной. Здесь стояли здания светлых корпусов, соединенные между собой узкими дорожками. Цвели цветы, искрились в лучах солнца бассейны, удачно оформленные под озера неправильной формы. Стояли на траве лежаки, работали кафе и бары – пусть и без музыки. До аллеи олеандров то и дело долетали запахи из ресторана – томатный суп, похоже, и жареное мясо. На площадке играли немногочисленные дети, еще оставшиеся в отеле. Сквозь заросли просматривался амфитеатр, который по вечерам становился центром всеобщего притяжения. Разве что водные горки не работали – тот самый шторм поломал их. В остальном отель был все тем же. Природа так и вовсе не сочла буйство стихии чем-то особенным, заплатив ему малую дань в пару сломанных деревьев.

А на другой стороне начинался маленький ад. Почувствовать его можно было, даже не видя руины отельного корпуса. По крайней мере, так казалось Марату. Он не мог избавиться

от ощущения, что воздух здесь стал каким-то густым, словно пронизанным тем самым общим горем, осознанием того, что исправить уже нельзя.

И две грани мира словно издевались друг над другом. Слишком абсолютными были жизнь и смерть на каждой из них! ОТЕЛЬ «Пайн Дрим» для многих и правда стал мечтой, той самой территорией, где можно разрешить себе расслабиться и отпустить все проблемы, отложив их до возвращения домой. Теперь же эту мечту исказили, изуродовали, превратив место покоя в место упокоения. Все вдруг оказалось таким хрупким... Люди, лежащие под руинами, были уверены в своих планах – на лето и на жизнь. Они даже не подозревали...

– Марат, ты что, заснул там? – окликнул его режиссер.

– Что?.. А, нет, задумался просто.

– Думать будешь в свободное время. Кусок вводной про корпуса не здесь снимать будем.

Пока что их бригада работала только на «безопасной» стороне ограждения, на руинах продолжались спасательные операции. Хотя какие они теперь спасательные? Спасти уже никого нельзя... В любом случае, и режиссер, и его юная помощница сошлись на мысли, что там съемку лучше провести попозже, когда народу станет меньше.

Они не говорили, почему так, однако догадаться было несложно. Марат прекрасно видел, как на них смотрят. Кто-то из постояльцев отеля его, конечно, узнал, и эти люди восхищались, даже не разобравшись до конца, что он здесь делает. Кому-то было все равно. Но хватало и таких, кто видел в нем стервятника, прилетевшего нажиться на чужом горе. Марат никому ничего не доказывал, знал, что это бесполезно. За всю карьеру его безосновательно ненавидели так же часто и бурно, как безосновательно любили.

– Вот здесь! – объявил режиссер. – Тут стань, я тебе на песке метку начертил, видишь? И с пятой страницы.

Локация и правда была удачной: лужайка, невысокий цветущий кустарник, а за ним – уцелевший корпус. На кустарнике полыхали немыслимые цветы, похожие одновременно на красные звезды салюта и помпоны зимних шапок.

– Сейчас, конечно же, будет много обсуждений и споров о причинах произошедшей трагедии, – доверительно сообщил камере Марат. – Отелю вполне предсказуемо припомнят год его открытия. Но здесь нужно учитывать, что девяносто девятый год – это сравнительно новая стартовая черта для здешнего бизнеса, многие отели вдоль побережья были открыты куда раньше. В центре внимания даже не это, а то, что в две тысячи десятом в «Пайн Дрим» провели капитальный ремонт, коснувшийся всех корпусов. Очень часто в отелях ремонт осуществляют по ходу дела – закрывают только один из корпусов, в то время как другие продолжают принимать гостей. Но руководство «Пайн Дрим» подошло к этому вопросу ответственно по многим причинам – и ради туристов, и из-за близости заповедника. Почти год отель не работал, и свои двери он распахнул уже полностью обновленным.

Вся эта часть сценария походила на оправдание компании, владевшей отелем... Да что там, это и было оправдание. Марат не вдавался во все подробности организации съемки, но подозревал, что эта часть стала обязательной для того, чтобы их сюда вообще пустили. Впрочем, то, что они снимут, не означало, что такие материалы войдут в фильм при монтаже.

Руководству отеля и правда сейчас не позавидуешь, их все равно станут обвинять во всех грехах... Хотя вряд ли они в чем-то по-настоящему виноваты. Марат уже знал, что шторм был действительно грандиозным. В ближайшем поселке не осталось ни одной уцелевшей лодки, дальше вдоль побережья частично обрушился еще один отель, даже аэропорт серьезно пострадал, а уж оборванным проводам, сломанным деревьям и пробитым крышам и вовсе не было числа.

Однако по масштабу трагедия в «Пайн Дрим» все равно вышла на печальное первое место. Никто до сих пор не брался назвать число погибших под завалами людей...

– И-и-и вот так нормально, – после четвертого дубля объявил режиссер. – Перерыв пятнадцать минут, хочу еще кое-что посмотреть. Не разбредайтесь далеко, встречаемся здесь же.

Далеко уходить Марат и не собирался – на территории отеля, такой же прекрасной, как обычно, и пропитанной солнцем, его не покидало ощущение, будто что-то очень тяжелое опустилось на плечи, и скинуть это уже не получится... Он старался отвлечься от грустных мыслей, не подходил близко к огороженной территории, гулял только там, где не было бело-серой пыли. Не помогало. Тревога уже поселилась в душе, закрепились острыми коготками и отказывалась уходить.

Очередная сосновая аллея вывела его к высокому металлическому забору, оберегавшему территорию отеля. Отсюда хорошо просматривались главные ворота – и те, кто там собрался. Руководство отеля постаралось, обеспечило толковую охрану, которая пропускала не всех. Однако никто не мог запретить людям пользоваться дорогой – и они пользовались вовсю.

Больше всего там, естественно, оказалось журналистов, но иначе и быть не могло. Они уже не надеялись прорваться к руинам, съемку вели прямо у забора. Однако Марата заинтересовали не они, а небольшая группа женщин, прятавшаяся в тени старых акаций. Станных таких женщин, прибывших без какого-либо транспорта, одетых небогато, только в платья или юбки с блузами, никаких джинсов и уж тем более шорт. Все – с покрытыми головами, у кого-то определенно по мусульманским традициям, у кого-то просто по-деревенски намотанными платками.

Женщины, в отличие от журналистов, никуда не прорывались, ни о чем не просили, не голосили даже. Они вообще молчали, не сводя с ворот настороженных темных глаз. Одна из женщин, похожих на призраков, вдруг повернулась к Марату, посмотрела прямо на него, и он инстинктивно отступил, укрылся под защитой пушистых сосновых ветвей. От собственной реакции стало стыдно: что это он, в самом деле? Можно подойти туда, узнать, что за женщины, если получится, помочь им...

Но он не подошел и не помог. Марат и сам не понимал до конца, почему. Когда незнакомка на него посмотрела, в душе вдруг появилось обжигающее холодом чувство, будто он стоит у разрытой могилы.

Он поспешил вернуться на место съемки, радуясь, что перерыв наконец закончен. Но прежде чем он добрался туда, путь ему преградила женщина, выскочившая с соседней аллеи так резко и вовремя, что не оставалось сомнений: она ждала его.

Женщина была из туристок, тут и гадать не приходилось. Рыжее парео с розовыми цветами намотано на плотную фигуру в наивной уверенности, что это замена платью. На потном от летнего зноя лице чуть поплыл макияж. На шее – золотая цепь с крупным гранатовым кулоном, на обеих руках – браслеты из дутого желтого золота. Неоново-розовые губы улыбались Марату почти робко, но в глазах женщины уже застыло упрямство человека, намеренного получить свое во что бы то ни стало.

– Простите, вы ведь Марат Майоров? – кокетливо поинтересовалась она. – Боже мой, да это я так, из вежливости спрашиваю! Конечно же, я вас сразу узнала, думаете, я усомнилась бы, что это вы? Я ваша большая фанатка! Еще с тех пор, как вы снимались в сериале «Сибирский пес», помните? Боже мой, как я люблю ваши роли! Полковник Сухотин в «Тенях рассвета»! Андрей в «Снах Вероники»! Следователь Ян Эйлер! Кирилл Федорович в том фильме про Союз, забыла, как называется... У вас все получается великолепно!

Она говорила быстро, неоправданно громко, и Марату только и оставалось, что слушать. Он даже не собирался ей указывать, что она уже перепутала его с двумя другими актерами, лишь отдаленно похожими на него внешне. Какая разница? Женщина искренне хотела сделать ему комплимент, он же не намерен был продолжать с ней общение после этой встречи. Так зачем обижать человека?

Он прекрасно знал, к чему все идет, и даже не удивился, когда женщина протянула ему маркер и рекламный буклет отеля.

– Подпишите, пожалуйста! Я как вас увидела, сразу в номер побежала, у меня ж с собой ничего не было... Так спешила, что чуть сердце не выпрыгнуло, представляете! Боже мой! Так боялась, что не застану вас, я бы никогда себя не простила, если бы упустила такую возможность! Вы мой самый любимый артист в мире!

Это была сцена, которая повторялась в жизни Марата сотни, если не тысячи раз. Ему подсовывали какую-нибудь бумажку, он ставил на ней небрежный росчерк, потом фотографировался с фанатами – и был свободен.

Так он собирался поступить и сейчас, но почему-то не мог. Взгляд замер на фотографии: весь отельный комплекс с высоты. Три корпуса, черепичные крыши, проглядывающие среди деревьев. Пока еще три – уцелевшие и тот, обреченный, но не знающий о своей жуткой судьбе. Ничем не отличающийся от остальных двух, но наверняка самый популярный, потому что расположенный на берегу моря. Марату будто слышались голоса туристов, навеки оставшихся там:

– А поселите нас с детьми в первом корпусе, непременно!

– Да, там же такой вид, пусть маленькие посмотрят!

Он понимал, что говорит лишь его воображение. Но рука все равно не поднималась поставить автограф поверх этой фотографии.

А туристка его колебаний и вовсе не заметила, она торжествовала. Не было смысла спрашивать у нее, знала ли она кого-то из погибших. Она наверняка осталась, чтобы отбыть весь оплаченный по путевке срок, помощница режиссера сказала, что таких тут хватает.

– Вот уж не думала, что мне однажды повезет получить ваш автограф! Боже мой, все подруги умрут от зависти, когда я им покажу! Никогда бы не догадалась, что именно здесь шанс подвернется! – Неоново-розовые губы расплылись в широкой улыбке. – Знаете ведь, как говорят? Не было бы счастья, да несчастье помогло!

* * *

В такие трагедии нужно было погружаться, как в холодную мутную воду. Не ожидать, что тебе будет легко и уж тем более приятно. Не позволять себе в полной мере осознать развернувшийся здесь ужас – так можно и сорваться. Нет, самое главное, единственный надежный вариант – сосредоточить все усилия на том, что ты реально можешь изменить.

Именно это и делала теперь Полина. Ее одной никогда бы не хватило на столь масштабную операцию, поэтому она приехала в составе большой группы психологов. Она получала задания от координатора и отправлялась работать. В такие моменты она думала лишь о человеке, которому была способна помочь, о его истории и его беде. Все остальное ее, может, и настигнет... но лишь когда это станет ее личной проблемой. Сейчас важно оставаться спокойной и сильной, потому что именно такой она была нужна здесь.

Теперь Полина стояла напротив молодого мужчины и преграждала ему путь. Они оба оказались на узкой дорожке, которая, огибая разросшуюся розовую лагерстремию, вела прямо к руинам.

Мужчина был значительно выше и намного крупнее Полины. Он заметно злился, мог сорваться в любой момент, и это чувствовалось. Его глаза уже полыхали шальным блеском близкого безумия. Именно поэтому девочка, которую направили работать с ним изначально, быстро отступила – испугалась.

А Полина не боялась ничего.

– Вы привели туда собак? – громыхал мужчина. – Что-то я не видел там собак! Лучше, чем животные, никто не определит, есть ли под завалами кто живой!

– Егор, пожалуйста, успокойтесь, и давайте отойдем, – предложила Полина. – Я готова предоставить вам полный отчет о том, какие работы уже были проведены.

Но он не слышал ее, потому что не хотел слышать. Отчаяние уже несло его в воронку эмоций, из которой так просто не выберешься.

– Да и техники там было маловато... Звуковые тесты провели?

– Все нормы были соблюдены.

– Я посмотрел в интернете! Существует очень много способов проверить, есть ли под завалами живые! И все их нужно использовать! И только после того, как применят все способы, можно будет говорить о чем-то уверенно!

– Егор, поверьте, спасатели все проверили очень тщательно. Они уверены в своих выводах.

– Ложь! – неожиданно высоко крикнул мужчина. Но его голос сорвался лишь на миг, дальше он снова заговорил нормально. – Кто там эти спасатели? Турки, им на нас плевать!

– Они работали очень осторожно, и спасатели, прибывшие из России, подтвердили их выводы.

– Что они там подтвердили, идиоты эти? Моей сестры нет среди выживших, я уже все проверил! Ее там нет!

– Мне очень жаль, Егор, – мягко произнесла Полина. – Правда жаль. Но вы ведь понимаете, что это значит?

– Нет! – Мужчина сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. – Маша не могла умереть! Ты что, не понимаешь, идиотка? Моя сестра все еще там, под завалами, живая! Но сколько она пробудет живой – неизвестно, у нее осталось мало времени! А вы это время теряете! Все вы! И турки, и наши дебилы! Она умрет из-за вас!

– Егор, если Мария еще жива, ее обязательно вытащат...

– Они ее сами убьют! Я видел, как они работают – они ходят прямо по руинам, прямо по Маше! Они топчут ее, она же кричит, она меня зовет! Я должен спокойно стоять и смотреть, как убивают мою сестру?! Да пусти же ты!

Пускать его к руинам было нельзя. Мужчина дошел до такого состояния, когда уверенно мог начать драку, кого-то убить или покалечить. А мог рвануть к обвалу – и покалечиться сам. Полина уже жалела, что не перехватила его раньше, на центральных аллеях, там, где ей могли бы посодействовать охранники. Сейчас основную ставку она вынужденно делала на то, что женщину он не ударит...

Ставка с каждой секундой становилась все более сомнительной. Полина уже видела, что взгляд у мужчины не сфокусированный, что дышит Егор глубоко и часто, а на виске бьется, словно предупреждая о грядущей беде, вздувшаяся вена.

– Егор, прошу вас, давайте отойдем во второй корпус, я покажу вам все видеоматериалы с работ, вы убедитесь, что все сделали правильно...

Она надеялась словами вывести его из опасного, агрессивного ступора. Однако слова уже были не нужны, никакие. Полина могла открывать ему государственные тайны или петь военные песни – без разницы. Он вообще не слышал ее, не воспринимал как человека, она стала лишь помехой на пути к цели. Ему нужно прорваться туда, где звала на помощь никем не замеченная сестра, и ради этого он был готов на все.

Полина до последнего надеялась, что Егор ее не ударит, но при этом готовилась и к худшему варианту. Иногда нужно стерпеть удар – возможно, это или даже немного крови отрезвит ее собеседника, заставит вспомнить, что вокруг живые люди, которые не виноваты в его страданиях.

Он, не до конца понимающий, что делает, замахнулся на нее, и Полина напряглась, готовясь к неизбежному и лихорадочно продумывая, как смягчить удар. Но ей не пришлось даже пытаться, потому что Егору не позволили напасть. Кто-то, такой же высокий, как он, и

куда более сильный, перехватил руку мужчины за запястье, выкрутил, толкнул Егора вперед. Секунда – и вот уже вырывающийся рычащий Егор стоит на коленях, пытается освободиться – и не может.

– Пусти меня! Пусти, урод! Я знаю, что здесь происходит! Это заговор! Куда вы дели Машу?! Вы хотите убить мою сестру, я не позволю вам, не позволю!

Полина пока на него не смотрела, это было бессмысленно. Ее больше интересовало, кто пришел к ней на помощь.

Она ожидала увидеть кого-то из охранников, что логичней всего. Или, может, кого-то из русских спасателей. Но выяснилось, что помощь все же пришла со стороны, даже если это казалось невозможным.

Полина встретила с этим человеком впервые – и все равно узнала сразу. Перед ней стоял Марат Майоров собственной персоной. Полина не была увлеченной киноманкой, времени на телевизор у нее толком не оставалось. Однако чтобы знать Майорова, смотреть телевизор было не обязательно. Он с недавних пор вышел на пик популярности, его имя мелькало во всех журналах, его лицо – на многих рекламных постерах.

Догадаться о причине такой популярности несложно. В юности он, скорее всего, был обычной смазливой мордашкой, красивым мальчиком, которому только злых принцев и играть. Но возраст пошел ему на пользу, сделал черты лица острее, удачно прочертил морщины, добавил русым волосам благородное серебро седины. Да и Майоров уповал не только на природу, он держал себя в форме, определенно каждую неделю навещался в спортзал и лишь после сорока лет дождался настоящей популярности.

Полина знала, что он на территории отеля, о документальном фильме психологам уже сообщили. У нее не было возможности обдумать, насколько это удачная идея, она сразу же погрузилась в работу. Да и какая разница? Не то чтобы кто-то интересовался ее мнением.

Уверена Полина была лишь в одном: их с Майоровым пути никак не пересекутся. Она не сомневалась, что холеный столичный артист не захочет замарать руки, испугается крови, а потому будет держаться подальше от места истинной трагедии, снимаясь где-нибудь в кустах в дальней части отеля.

А получилось вот как. Именно Майоров первым поспешил ей на помощь и вполне умело скрутил завывающего мужчину. Теперь Егор как ни старался, не мог освободиться.

– Вы в порядке? – спросил Майоров, бросив на нее обеспокоенный взгляд.

– Все хорошо, он ничего сделать не успел, спасибо. Вы можете его еще подержать?

– Я только держать его и могу – если я его сейчас отпущу, плохо будет всем!

– Потерпите пять минут, я все улажу.

Полина надеялась, что в деле Егора удастся обойтись малым, но готова была приспособиться к любым обстоятельствам. Она нашла на аллее охранников, которые освободили Майорова от его извивающейся добычи. Егора увели во второй корпус, сделали ему укол, и после этого с ним все-таки получилось поговорить.

Разговор вышел долгий. Острый настолько, что казалось, будто каждое слово разрезает кожу и пускает кровь. Опустошающий. Но спасающий.

Полина не жалела сил, однако понимала, что это на сегодня последние. Под конец, когда взрослый двухметровый мужчина плакал у нее на плече, ее саму трясло. Мир перед глазами кружился, и становилось трудно дышать. Выдержки Полины хватило лишь на то, чтобы проводить Егора к выходу. После этого она сообщила координатору, что от нее раньше завтрашнего дня толку не будет.

Сидеть в номере Полина не собиралась: номера второго корпуса наверняка являлись точной копией номеров первого, рухнувшего, и это угнетало. Она покинула здание и направилась по узкой аллее вниз, к морю. Вокруг обнаружилось множество лавочек, окруженных цветами –

белыми, красными и оранжевыми. Здесь пахло медом и свежестью, но задерживаться Полине нигде не хотелось, движение сейчас спасало.

Она ожидала, что проведет это время в одиночестве, но ошиблась. Майоров появился рядом с ней почти сразу, как только она отошла от второго корпуса.

– А вы как здесь оказались? – удивилась Полина.

– Тогда, днем, случайно, а теперь – запланированно. Я вас ждал.

– В смысле? Несколько часов же прошло!

– Несколько часов и ждал, – подтвердил Майоров. – Мне нетрудно.

Да уж... Наверно, когда ты звезда, тебе можно работать по желанию. Полина понимала, что это злые мысли, спровоцированные скорее усталостью, чем реальным положением дел. Но думать по-другому пока не получалось.

– Зачем вы меня ждали?

– Хотел убедиться, что с вами все в порядке. Сцена была жуткая... Вы – и этот бугай перед вами... Он ведь реально собирался вас ударить!

– Да, – кивнула Полина. – Собирался.

– Не понимаю, почему... Он что, пьяный был?

– Нет. Это от боли.

– И что, боль – оправдание для чего угодно?

Ей вообще не хотелось с ним разговаривать. Он не мог понять. В его ярком глянцевом мире, полном тусовок и роскоши, все наверняка четко и ясно. Трагедии оставались только в сценариях. Люди умирали не по-настоящему, кровь была бутафорской и ничем не пахла. Ну и к чему такого развлекать беседой?

Однако Полина по-прежнему помнила о фильме. Был шанс, что хотя бы часть ее слов отложится у Майорова в памяти – и потом дойдет до нормальных людей.

– Боль бывает разной. И вот такая, неожиданная, абсолютная боль потери способна сломить человека, который в иных обстоятельствах выдержал бы очень многое.

– Так значит, он кого-то потерял в том здании? – тихо спросил Майоров.

– Потерял. Но главная беда даже не в этом. Или, точнее, главная сложность.

– Не уверен, что понимаю...

– Вы и не понимаете, – согласилась Полина. – Потому что такое невозможно ни понять, ни представить, не зная всех деталей. Егор и его сестра Мария жили в первом корпусе, в соседних номерах. Они с детства были близки, тот сценарий семейных отношений, когда брат и сестра становятся лучшими друзьями, поэтому они и прибыли на отдых вместе. Но это не значит, что они постоянно держались за руки, они взрослые молодые люди, у каждого своя жизнь и свои увлечения. Та гроза... Она ведь началась не очень поздно. Просто когда она достигла пика, она принесла с собой одну непрекращающуюся ночь. Но дождь и ветер в тот день загнали всех под крышу часов в семь-восемь.

– Сбили привычный распорядок?

– Именно так, а люди на отдыхе не любят сидеть без дела, им кажется, что они упускают важные возможности. Поэтому Егор отправился в третий корпус – в тренажерный зал. Мария осталась у себя. Через час в отеле отключилось электричество, шторм усилился. Вот тогда Егор хотел вернуться, но ему не позволили.

– Почему?

– На улице стало слишком опасно, расстояние между корпусами большое. Считалось, что те, кто окажется снаружи, могут пострадать. Поэтому ни Егору не позволили вернуться, ни Марии – уйти к нему. Сейчас он убедил себя, что у него появилось дурное предчувствие, которое предупреждало его и давало шанс спасти сестру. Но это всего лишь жестокий трюк, который проделывает его подсознание. Он не знал, что корпус рухнет. Никто не знал, невозможно такое предугадать!

– Но он все равно винит себя... Почему? Он же ни в чем не виноват!

Она видела, что Майоров искренне удивлен и даже подавлен. Это чуть снизило раздражение Полины: значит, с ним еще не все потеряно.

– Потому что Егор – человек деятельный по натуре. Именно поэтому потеря сестры стала для него двойным ударом. Он снова и снова думает о том, что мог бы спасти ее. Мог настоять, вырваться, выбраться и бежать в первый корпус. Все предвидеть и всех спасти. Но получилось иначе: его сестра умерла в пяти минутах ходьбы от него. То, что вы видели, что произошло сегодня... Он проецирует случившееся тогда на сегодняшний день. Ему кажется, что Мария все еще жива и только он может ее спасти. Если он спасет ее сейчас, остальные его грехи будут отменены.

– И он действительно не понимает, что она мертва?

– Понимает. Он просто не позволяет себе поверить, человеческая психика достаточно сложна для такого контроля.

– Абсурдного? – поразился Майоров.

– Самосохраняющего. Для Егора вера в то, что никто из спасателей не ошибся и Мария действительно мертва, означает принятие неизбежного. Той реальности, в которой у него больше нет сестры, а значит, он и не брат теперь. Все возможные действия остались в прошлом... Поэтому он и пытался ударить меня. Он не имел ничего против меня лично, я просто подталкивала его к принятию боли. И я была бы рада, если бы нашелся другой путь... Но его нет. Нам всем остается только справляться с последствиями.

Аллея вывела их к склону холма. В нем были вырезаны широкие плоские ступени, плавно уходящие вниз – к песчаному пляжу. Там даже собрались отдыхающие, всего пара семей, но все же... Их мир в день грозы дрогнул, однако не рухнул, все осталось прежним. Поэтому они могли позволить себе наслаждаться солнечным днем и не смотреть в сторону белых лент.

Полина прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, наполняя легкие морским ветром, удерживая его внутри сколько получится. От моря пахло арбузно-огуречной свежестью. На губах Полина чувствовала легкий привкус соли.

– Как вы это выдерживаете? – спросил Майоров, все еще стоявший рядом с ней. – Как принимаете такую реальность?

– Она не всегда такая. Но когда такая... Принимаю ее день за днем и стараюсь исправить то, что можно.

– Ясно... Как думаете, шторм вернется?

Этот вопрос заставил Полину открыть глаза и посмотреть вперед. Небо над отелем и заповедником было ясным, бледно-голубым, выгоревшим от солнца. А вот на далеком морском горизонте зависла темно-серая полоса, такая маленькая и нестрашная теперь, однако способная обернуться чем угодно.

– Понятия не имею, – признала Полина. – У меня не было времени прогноз узнать.

– Прогноз говорит, что грозы не будет, это я как раз узнавал. Но мне показалось, что местные ему не очень-то верят.

– Возможно, не зря. Мы сейчас находимся между морем и горами, здесь специфическая роза ветров. Движение грозового фронта меняется непредсказуемо, и случиться может что угодно.

* * *

Гроза устала.

Она играла, она танцевала и собирала трофеи. Она не имела ничего против людей... Она даже не задумывалась о том, что такое люди. Она просто меняла мир так, как делала всегда, испокон веков. Эти перемены ведь и создали его когда-то.

И даже о своих трофеях гроза не думала, как о победах. Она не забирала их с собой, она порой бросала их там же, где нашла, или близко, или где придется. Сразу забывала.

Пределом ее возможностей была лишь усталость. Как устала – так и остановилась. Как устала – так и развеялась. Из зловещего круглого пятна на спутниковом снимке превратилась сначала в дымку, а потом в пустоту. Какой спрос с пустоты? Какие на пустоту жалобы?

Вот и теперь гроза готовилась раствориться, но неожиданно для себя вышла на новый круг. Уже не такой дикий и разрушительный, как прежде, сил бы не хватило. Но все равно рычащий и рокочущий, вызывающий куда больший страх, чем следовало бы – на фоне того, что уже случилось.

Люди ведь не могли знать, что гроза вернулась не рвать и метать.

Это была прощальная прогулка, возможность посмотреть на то, что уже случилось.

А еще – отдать людям последние темные дары...

Глава 3

На берегу кричали чайки

Борис знал, что высшее руководство отеля прислало своих представителей в «Пайн Дрим», новостью это не стало. Такой поступок, в отличие от дурацкого документального фильма, казался ему правильным. Может, они ни в чем и не были виноваты, но они все равно должны держать ответ перед людьми, такая уж у них работа.

Турецкую сторону представлял Орхан Саглам. Он даже не приезжал сюда, он здесь и жил – работал директором отеля. Прибыл только его сын, да и понятно, зачем. Орхан не был стариком, но не был он и молод – Борис предполагал, что ему около шестидесяти. Турок заметно нервничал, промокал лицо платком, даже когда оно не было потным, и не мог скрыть нервный тик. Сын прекрасно понимал, в каком состоянии его отец, и следовал за ним неслышной тенью, готовый поддержать в любой момент. Гадать о причинах такой реакции не приходилось: Орхан ведь сам принимал гостей, погибших в первом корпусе, он знал сотрудников, работавших там... Чудо, что он вообще способен хоть что-то делать!

Представитель российской стороны держался куда уверенней, он был здесь чужим – был одновременно со спасателями. Сначала такой выбор посланника показался Борису странным: Александр Зотов отличался очевидной, почти болезненной полнотой. Однако выяснилось, что грандиозный лишний вес не мешает ему свободно двигаться, а главное, соображает Зотов быстро и умеет находить общий язык со всеми. Именно он наконец сумел вышвырнуть за ворота журналистов и заставить местную полицию работать как надо. Уже за это Борис готов был многое ему простить.

Первое время оба руководителя трудились на местах и не считали нужным проводить общие собрания. Но теперь ситуация изменилась: вечером снова начался дождь, вдалеке урчал, пока еще лениво, первый гром. Раньше никто и внимания бы на это не обратил, а теперь люди боялись, нервничали. Некоторые так и вовсе побросали вещи в чемоданы, быстренько сдули резиновых уточек и требовали сейчас же доставить их в Россию. Вот прямо отсюда и первым классом.

Тогда Зотов и объявил об общем собрании. Оно проходило в третьем корпусе – расположенном дальше всего от моря. Куда лучше для этого подошел бы амфитеатр, но там крышу заменял навес, а навесам теперь не доверяли. Да и первый корпус оставался слишком близко: тихая общая могила...

Пришлось довольствоваться концертным залом, который едва вместил всех желающих послушать, что там способно предложить начальство.

– Дорогие мои, друзья, коллеги, уважаемые клиенты! – обратился к ним Зотов. Орхан стоял за его спиной и снова нервно промокал сухое лицо платком. – Прежде всего позвольте вас успокоить! Мы находимся на непрерывной связи с синоптиками. Пока что все указывает, что эпицентр грозы останется далеко над морем, нас он не коснется. Но даже если случится иначе, эта гроза намного, намного слабее предыдущей... той самой. В десятки раз! Их ни в коем случае нельзя сравнивать.

Пока он говорил, Борис украдкой оглядывался по сторонам. Киношники, конечно, тоже пришли – в первом ряду сидят, почетные гости! Скучают, кажется. И Майоров тоже скучает. Зато не скучают все те женщины, которые уселись вокруг него плотным кольцом и теперь плятятся на своего кумира.

От этого Борису становилось тошно. Он сегодня доставал из-под завалов тело молоденькой девушки – искаженное, едва опознаваемое. Вот что было главным. Вот о чем нужно было думать – а не о том, что какой-то клоун сюда сниматься приехал! Правда, Борис не смог бы

точно объяснить, какого именно поведения ждет от Майорова и его фанаток. Но безотчетный гнев уже клубился в груди облаками горячего пара.

Взгляд скользнул дальше, по рядам собравшихся. Сотрудники. Гости. Представители полиции. Кто-то из спасателей, отец Гавриил. Ее нет... Хотя наверняка все-таки где-то в толпе, Полина бы такое никогда не пропустила. Впрочем, какая ему разница? Ему уже много лет не должно быть дела до Полины.

– Но если гроза такая слабая и безопасная, почему нас заперли здесь? – поинтересовалась женщина откуда-то из середины зала. Другие отдыхающие тут же одобрительно загудели, словно только этих слов и ждали, как условного сигнала. – Я, например, хочу домой!

– Мы многим предлагали отправиться на эвакуационный рейс, – напомнил Орхан Саглам. По-русски он говорил бегло и уверенно, пусть и с небольшим гортанным акцентом. – Простите, мадам, но желающие уехали...

– Я вам не мадам! – немедленно оскорбилась женщина, заранее готовая на что-нибудь оскорбиться. – Утром я не хотела уезжать, потому что было солнце! Никто не предупреждал меня, что будет дождь!

– Да не слушайте вы ее! – не выдержала другая туристка, молодая, смертельно бледная, с темными кругами под глазами, без слов рассказывавшими о мучительных бессонных ночах. – Почему мы должны оставаться именно в этом отеле? Я бы хотела уехать в город, ближе к больнице, там моя подруга! Она... Я должна находиться рядом с ней!

Женщина не выдержала, закрыла лицо руками. Гул в зале нарастал. Зотов был вынужден поднять обе руки, призывая собравшихся к тишине и вниманию.

– Дорогие мои, родные, прошу вас, не нервничайте! Я сейчас все объясню. К сожалению, во время того самого шторма, на который этот, напоминая, совсем не похож, пострадал не только наш отель. Есть аварии на дорогах, есть повреждения линий электропередач, да и в аэропорту не все гладко.

Об этом Борис как раз знал – и уже давно. В аэропорту никто не пострадал, однако одна из взлетно-посадочных полос получила серьезные повреждения. Это не парализовало работу, просто значительно увеличило очередь на вылет. Борис подозревал, что люди, которые сегодня утром согласились на возвращение домой, еще ждут своего часа в аэропорту. А новых просили пока не подвозить, чтобы избежать опасной давки и скандалов.

К тому же грозовой фронт и правда не отступал, кружил, двигался то в одну сторону, то в другую. При планировании полетов это учитывалось, даже немногочисленные оставшиеся рейсы могли отменить в любой момент.

Примерно это и объяснял теперь постояльцам Зотов.

– Так что всем, кто не нуждается в медицинской помощи, придется остаться здесь, – завершил он. – Не переживайте, все будет хорошо, вас обеспечат всем необходимым! Да и шторм завтра отступит, снова выйдет солнце. Что же до переезда в город... Простите, но там сейчас свободных мест нет. Очень многие пострадали, больницы переполнены. Места в гостиницах достаются в первую очередь родителям, дети которых оказались в больнице. Взрослым людям придется дожидаться здесь. Но отель со своей стороны сделает все, чтобы у вас была постоянная связь с родными и близкими.

За окном блеснула белая, яркая, как вспышка фотоаппарата, молния. Гул снова взвился над толпой – и снова Зотову пришлось успокаивать людей:

– Пожалуйста, тише! Ну что вы, в самом деле? Помните, как нас учили в детстве: чтобы определить, как близко гроза, нужно считать время между молнией и громом. Молния была, я с вами вот говорю и говорю, а где же гром? Вы понимаете теперь, как далеко шторм? Над морем – там пусть и остается! Мы все в безопасности!

– Да брехня все это! – неожиданно выкрикнул хриплый мужской голос. – Мы не в безопасности! И никогда не были в безопасности!

Борис, как и многие другие, тут же обернулся, чтобы рассмотреть говорящего. У дверей стоял мужчина лет шестидесяти пяти, еще крепкий, не тянувший на древнего старика, но какой-то растрепанный и неопрятный. Он сошел бы за бродягу, если бы не тот факт, что в отель бродяга забраться не мог. Да и откуда в этом диком уголке русскоязычный бродяга?

Нет, это был кто-то из туристов, из тех, что пострадали сильнее. И для кого главной заботой была вовсе не испортившаяся погода. Поначалу Борис даже решил, что мужчина этот – из помешавшихся от горя, однако на окружающих он не кидался, смотрел только на руководителей отеля – и на них направлял свою ярость.

– Я понимаю ваши опасения, но, уверяю, для них нет оснований, – сдержанно улыбнулся Зотов. – Ситуация под контролем.

– Черта с два! Она у вас и раньше была под контролем, и что теперь? Маленький мальчик погиб! Его звали Кирюша! Ему было четыре года! Он впервые увидел море, впервые!

По щекам мужчины катились крупные слезы, но он, казалось, не замечал их. Он по-прежнему стоял с гордо расправленными плечами, словно ждал расстрела. Зотов выглядел смущенным.

– Я искренне соболезную вашему горю...

– Не надо! Вот этого лицемерия не надо, ничего не надо! Вы это натворили!

– Боюсь, над грозой мы не властны.

– Дело не в грозе, а в здании! Оно не должно было рухнуть! Я знаю, о чем говорю, не должно было!

Продолжить обсуждение ему не позволили. Мужчину под обе руки подхватили подоспевшие охранники и осторожно, но решительно вынесли из зала. Он пытался сопротивляться, однако тягаться с молодыми и сильными соперниками не мог. Очень скоро его возмущенные крики затихли в коридоре. Борис успел лишь заметить, как следом за ним и охранниками по-кошачьи ловко скользнул сквозь толпу темный силуэт.

Полина. Конечно, она, Борис ее сразу узнавал – хоть за секунду, хоть за долю секунды. Наверняка отправилась помогать этому мужчине, она никогда в стороне от такого не оставалась. И все это было ее делом, личным и профессиональным, Бориса вроде как не касалось, однако он едва заставил себя сидеть на месте. Хотелось встать и пойти за ней, но – нельзя. Потому что нет причин, по которым можно.

Собрание неоправданно затянулось. Зотов снова и снова доказывал, что все будет замечательно, слышите, уже и дождь стихает? Орхан выглядел так, будто вот-вот упадет в обморок, сын вывел его из зала еще до конца собрания. Это вроде как казалось напрасной потерей времени, но Борис без труда разобрался, чего добивается Зотов. Споря и возмущаясь здесь, люди забыли о своих истинных страхах. А когда постояльцев все-таки отпустили, пригласив на ужин в ресторан, гроза и вовсе затихла, остался только дождь.

Ужинать Борису не хотелось, но он заставил себя. Не новичок ведь, уже попадал в эту ловушку: сегодня нет аппетита, а завтра не получится толком работать, потому что в теле не осталось энергии. К своему корпусу он возвращался ближе к десяти, спрятавшись от мира под выданным в отеле черным зонтом.

Хотя до корпуса он все равно не дошел, свернул к ближайшей ажурной беседке из белого дерева. Потому что там неожиданно обнаружилась знакомая фигура.

Полина тоже его заметила. Она устроилась на единственной сухой лавочке и наблюдала за приближением Бориса с мягкой усталой улыбкой.

– Привет, – кивнула она. – Всегда считала, что у тебя в родне были хамелеоны.

– Почему это? – растерялся Борис.

– Потому что ты видишь все вокруг на триста шестьдесят градусов.

– Может, я тебя сердцем чувствую?

– Только если как надвигающуюся беду! – рассмеялась Полина. – Но я рада тебя видеть, правда. Отлично выглядишь.

Она все и всегда умудрялась говорить искренне и естественно, и это звучало правдой. Но Борис прекрасно знал, что ее слова могут оказаться и ложью – шансы пятьдесят на пятьдесят. Полина была действительно хорошим психологом, и дар ее работал в разных направлениях. Она могла как понять людей, так и внушить им то, что они хотели услышать.

Раньше это выводило Бориса из себя, превращая любой разговор с ней в прогулку по минному полю. Теперь же переродилось в теплые, немного грустные воспоминания о том, что уже не повторится.

– Избавилась от воинственного деда? – полюбопытствовал Борис. Хотелось подойти ближе, сесть рядом или хотя бы поцеловать в щеку. Но он слишком хорошо помнил, что теперь стоит между ними. Борис остался у входа в беседку, и дождь по-прежнему барабанил по черному зонту.

– Он не воинственный дед, – покачала головой Полина. – Федор Михайлович потерял слишком многих слишком быстро, от такого невозможно просто отмахнуться.

– Извини, туповато прозвучало...

– Не извиняйся, я прекрасно знаю, что ты на самом деле все понимаешь. Для его семьи эта поездка должна была стать большим событием: три поколения вместе. Он с женой, его сын с женой и два внука.

– А один из внуков умер?

– Не только это. Умер внук и умер сын, а второй внук и невестка в реанимации. Выживут или нет – пока непонятно.

– Да уж... – Борис не знал, что еще можно сказать. Слова всегда оставались вотчиной Полины.

– Не пострадали только Федор Михайлович и его жена, потому что их поселили в другой корпус, – продолжила Полина.

– И что теперь? Он считает, что руководство отеля виновато... в чем? Что не эвакуировало весь первый корпус с началом грозы?

– В том, что вообще использовало его. Федор Михайлович считает, что первый корпус был аварийным и руководство об этом прекрасно знало.

– Очередная теория заговора... Как ты там говорила? Способ справиться с потерей?

– Именно так. У каждого свой. Как ты держишься вообще? Страшно ведь там?

– Да, – вздохнул Борис. – Но ведь и на твоей стороне страшно?

– Иначе и быть не могло.

Когда-то такие разговоры были для них нормой – и даже спасением. Борис и Полина могли работать на разных объектах, но по вечерам всегда встречались дома. Он говорил ей о том, что видел. Она рассказывала ему о том, что слышала. Потом они засыпали, прижавшись друг к другу, плотно, жарко, словно боялись отпустить.

Это помогало ему. Уже потом, с другой женщиной, Борис пытался такое повторить, да не сумел.

Впрочем, не повторялось это и сейчас, с Полиной, просто напоминало о былом. Это не то же самое, если нельзя подойти поближе и хотя бы взять ее за руку. Даже если хочется... особенно потому, что хочется. Борис вдруг осознал, что долго так не простоит. Подсознание скоро начнет подкидывать ему оправдания: что они одни, что никто не увидит их сквозь ночь и дождь, что никто не узнает...

Нужно было уходить немедленно, пока ни одно из этих оправданий еще не сработало.

– Ну, я пойду... – неловко улыбнулся он. – Завтра рано вставать.

Полина не собиралась его удерживать. К сожалению.

– Спокойной ночи, – только и сказала она. – Надеюсь, эта ночь будет действительно спокойной.

* * *

На берегу кричали чайки, словно предупреждая о возвращении непогоды, а потом затихли – и начался дождь. Порывание грозы, слабое и безобидное, разогнало людей по номерам. Марат видел, что они напуганы, а сам страха не чувствовал. Может, это было несколько наивно, однако его не покидала уверенность: тот самый шторм уже не повторится.

Поэтому Марат на собрании слушал руководство отеля вполуха. Он и сам знал то, о чем они твердили снова и снова, чувствовал на уровне инстинктов.

Когда все эти бессмысленные посиделки были закончены, он вместе с режиссером и его ассистенткой отправился отсматривать сторонний видеоматериал, закупленный для будущего фильма. Надо все-таки вспомнить, как зовут эту девицу, а то уже неловко... Там же что-то простое было... Катя? Лена? Нет, без вариантов.

А потом Марат отвлекся на сценарий и вообще перестал думать об ассистентке.

В сценарии была запланирована и часть о жертвах, погибших не при крушении здания. Марат думал, что их вообще нет, а таких оказалось немало. Сотрудники, которых выгнали на пляж собирать мебель – нескольких унесло кипящими волнами. Пятеро человек, друзья, приехавшие вместе, отправились в заповедник, на холмы – снимать приближение шторма с вершин. Больше их никто не видел. Похожая судьба постигла и молодого парашютиста, который решил подняться в небо и, как он сказал родным, «лично встретиться с непогодой». Его на это уговорили местные дельцы, обычно катавшие туристов на катерах.

Встретился, ничего не скажешь. Гроза подобралась к пляжу куда быстрее, чем можно было ожидать. Трос оборвался, и несчастного парашютиста унесло куда-то в сторону деревьев. Потом злые языки поговаривали, что никакого случайного обрыва не было. Чтобы спасти, владельцам катера требовалось как можно быстрее добраться до берега, а огромный парашют их здорово задерживал, тут еще и нож под руку подвернулся... Разбираться с этим предстояло местной полиции.

Ну и конечно, был «Сонай». Большой прогулочный катер, организовывавший дальние экскурсии – вдоль побережья, с остановкой в живописных бухтах на купание, а потом – с рыбалкой в открытом море. В тот злополучный день он уплыл с утра, когда никто еще не знал о грядущей беде. С тех пор он не выходил на связь, судьбы экипажа и туристов оставались под вопросом.

Все эти жертвы считались не погибшими, а пропавшими без вести, таков закон. Он оставлял за родственниками право надеяться до последнего, и они за это право держались. Марат даже видел их несколько раз на территории отеля: группы замученных, потерянных людей, державшихся вместе. Они большую часть времени оставались у моря, словно только оттуда могло прийти спасение. Они повторяли друг другу и окружающим, что если тела не нашли сразу – то люди живы, обязательно живы, без вариантов!..

Это было объяснимо, но наивно. Парашютиста, например, обнаружили довольно быстро. Ветер играл с ним, пусть и недолго, а потом швырнул надоевшую игрушку вниз – на сосны, и сухие острые ветви пробили молодого мужчину насквозь. Когда его нашли, кто-то снял тело на видео, и для документального фильма зачем-то купили эти кадры.

Теперь Марат смотрел на экран и видел не человека даже, а огромную странную бабочку. Обрывки парашюта превратились в крылья, шлем и очки искажали человеческие черты, и возникала иллюзия, что все не по-настоящему, очередной спецэффект, постановка...

Это чувство появилось не впервые – и оно тревожило Марата. Чужое горе обжигало его, но почему-то не воспринималось до конца. Как будто он снова оказался на съемках художественного фильма, где он всего лишь играет роль, как и все вокруг него.

Никто не ранен.

Никто не умер.

Слезы на щеки накапали гримеры, чтобы в кадре смотрелось красиво.

Это никак не могло быть нормальным. Здесь, в этом отеле, Марат получил подтверждение того, что мир на самом деле очень хрупкий. Вроде как все это знают, но забывают, потому что забыть удобней. А потом... одно неловкое движение, изнутри или извне, и вот мир рассыпается на бессмысленные осколки. Как это принять? Как вообще что-то планировать? И почему не больно от этого осознания? Недостаточно больно... Марату казалось, что именно боль в таких случаях удерживает на границе человечности. Может, он уже соскользнул? Начал тогда, давно, когда ему об этом кричала в ярости Ксения, а завершил уже сейчас, и обратного пути нет... Ксения ведь говорила, что он бездушное чудовище. Может, права была?

Хотелось обсудить это хоть с кем-то, но уж точно не с режиссером и его безымянной юной ассистенткой. Они даже на экран не смотрели, они забыли про кровавого человека-мотылька. Они думали только друг о друге и все ждали, когда же Марат наконец уберется и оставит их наедине.

Марат не стал испытывать их терпение, ушел, не объясняя причин. Дождь на улице не прекратился, так что прогулки исключались. Но оно, может, и к лучшему: все сейчас собрались в двух уцелевших корпусах, и ему проще будет найти кого-то из психологов.

В иных условиях Майорову и в голову не приходило обсуждать с кем-то свои проблемы. По опыту коллег Марат прекрасно знал, что любая тайна, пусть и врачебная, рисковала просочиться в интернет – да так, что никто ничего не докажет. К тому же ему это было просто не нужно: он считал, что никто не разберется с его бедами лучше, чем он сам.

Однако сейчас – ситуация неординарная. Здесь Марат видел людей, которые не деньги из клиентов тянули за лишнюю болтовню, а реально стремились помочь, у них не было никакой другой мотивации. Даже если никто из них не сможет объяснить, почему он перестал чувствовать разницу между реальностью и иллюзиями искусства, поговорить с ними будет как минимум любопытно.

Марат признавал, что не отказался бы побеседовать не просто с каким-нибудь психологом, а с весьма конкретным. Женщина, которую он встретил днем, ему запомнилась. Не красотой, нет – он, окруженный лучшими из актрис, не смог бы уверенно назвать ее красивой, да и никто бы не смог. Она была тонкой, худощавой, бледной – как будто не человеком, а существом из фантастического фильма, эльфийкой какой-нибудь... или ведьмой. Скорее, ведьмой. Это впечатление усиливали длинные черные волосы, строгие зеленые глаза и крупный тонкий нос с заметной горбинкой. Она не казалась милой ласковой подругой, с которой сразу тянет поболтать по душам, однако ведьминская часть ее внешности дарила ощущение, что этой женщине открыты многие тайны, она знает, о чем говорит, ей можно верить.

Она, вероятнее всего, понимала, как влияет на людей. У нее не получилось уговорить только того бугая, которого вынужден был остановить Марат. Потом Майоров наблюдал, как она работает с другими клиентами, и все они слушали ее как замороженные.

Так что она, вероятно, смогла бы дать ему ответы... вот только ее нигде не было. Марат обошел несколько общих залов, но знакомую тонкую фигуру так и не нашел. Зато в библиотеке, которой за всю историю отеля наверняка еще не пользовались так часто и активно, обнаружился пункт психологической помощи.

Там сейчас дежурила женщина, которую Марат раньше не видел – хотя он много кого не видел, был занят на съемках. Эта оказалась совсем не похожа на ту, темноволосую. Она как

раз была очаровательной, круглолицей, с по-детски наивными голубыми глазами и длинной золотой косой.

Когда Марат вошел, она беседовала с худенькой девочкой лет четырнадцати, и он не стал вмешиваться, устроился в стороне. Сюда, за стеллажи книг, доносились лишь обрывки разговора, но даже к ним не хотелось прислушиваться. Психолог попросту сюсюкала с девочкой, снова и снова повторяя, что все обязательно будет хорошо, нужно только немного потерпеть. Это не слишком впечатляло, но, возможно, с детьми только так и следовало общаться... Наверняка Марат не знал, а потому не лез.

Когда девочка, все такая же печальная и задумчивая, ушла, психолог не стала его дожидаться, сама чуть ли не бегом добралась за стеллажи.

– Марат, здравствуйте! – очаровательно улыбнулась она. – Как приятно вас видеть! Чем вам помочь?

И вот в этот момент Марат понял, что разговора по душам не получится. Слишком быстро она его узнала, слишком преданно смотрела. Ему был прекрасно знаком этот взгляд: фанатка, значит. Еще одна.

Обожание фанаток давно уже не льстило ему. По молодости, когда это только началось, было дело. А потом он понял, что все эти женщины влюблены вовсе не в него, на него им плевать. Их интересовали те отважные следователи, хитрые шпионы и безупречные рыцари, которыми он был на экране. Их мечты, воплощенные во вполне привлекательной оболочке. И бессмысленно доказывать, что сам он, если честно, совсем другой... Он и не доказывал. Он позволял им сохранить образ кумира на совместном фото.

Теперь он вдруг подумал: что, если он играл слишком много и теперь от него только и осталась сохраненная память этих персонажей? Вот почему для него стирается разница между реальностью и сценарием. Может, сам он настолько вымотался, выцвел, выгорел после свалившихся на него трагедий, что и нет его настоящего уже давно?

– Вы хотите поговорить? – робко напомнила о себе психолог. – Я бы сочла за честь...

– Что вы, никогда еще разговоры со мной честью не были. – Марат выдал ей одну из отработанных, любимых камерой улыбок. – Я просто пришел за книгой... Хочется, знаете ли, сбежать сегодня в придуманный мир.

* * *

Ночь выдалась тяжелая, слова кружились в памяти роем разозленных пчел, гудели, не давали покоя. Но Полина знала, что так будет.

За годы ее работы случались разные задания, одни – не слишком сложные, другие – напряженные, но терпимые. Однако то, что произошло в «Пайн Дрим», она уверенно могла отнести к худшему опыту за всю свою карьеру. Столько погибших... и столько боли. Погибшим она помочь не в силах, она следила за тем, чтобы оставшиеся не сдались, нашли в себе силы и желание двигаться дальше. Она говорила с ними, обнимала, вместе с ними тревожно следила за новостями из больниц. Не умер ли кто-нибудь еще? Не увеличилась ли страшная цифра, которой предстояло навсегда стать связанной с этой тихой гаванью?

Люди реагировали на ее предложение о помощи по-разному. Кто-то соглашался сразу, даже тянулся к ней. Кто-то поначалу отказывался, потому что привык считать разговоры с психологом глупостью. Были и те, кто кричал на нее, пытался ударить, обвинял в том, что тут произошло, хотя это никак не могло быть ее виной. Полина принимала любые варианты, она знала людей – и знала себя. Она остановилась ровно в тот момент, когда сил у нее не осталось.

Ночью ей полагалось восстанавливать силы, но психика, перегруженная эмоциями, не знала покоя. Заснуть пока не получалось, и Полина не корила себя за это. Нет значит нет,

первый раз, что ли? Опыт подсказывал, что в таком стрессе она может до трех суток обходиться без сна, не теряя работоспособности. Ничего хорошего ей это не сулило, но если надо...

Поэтому она просто лежала на спине, смотрела на темный потолок и позволяла своей памяти торопливо и нервно разбирать обрывки событий и ленточки разговоров. В этот момент Полина чувствовала себя пустой оболочкой, всего лишь ракушкой, наполненной до предела чужими словами. Им нужно было дать успокоиться, остыть, осесть в ней слоями и переродиться в новый опыт, который поможет кому-то еще. Вот этого Полина и ждала – а потом все-таки уснула.

Сон был недолгим и тревожным, наполненным видениями, которые ей совсем не хотелось запоминать. Где-то снаружи снова шел дождь, рокотала гроза, это еще вечером началось. Руководство отеля убеждало их, что гроза совсем другая. Безопасная, мирная, чуть ли не дружелюбная. Однако Полину не покидало ощущение, что это та самая гроза, просто уже уставшая, вернувшаяся с прощальным визитом. Естественно, вслух Полина о таком не говорила, психологу полагалось успокаивать людей, а не в панику вгонять.

Обычно она лучше засыпала в дождь – помогали древние инстинкты, унаследованные людьми от далеких предков. Те знали, что в дождь хищники не выходят на охоту, и спали спокойно. Но сегодня мозг, созданный цивилизацией, не думал о древнем, он думал о близком, и Полине достались жалкие часы рваного отдыха.

Когда она проснулась, дождь закончился, небо было ясным и словно вернувшим всю насыщенность голубого цвета. Солнце только-только начало свой путь, на часах не было и шести. Полина не позволила себе отлеживаться, ее ожидал трудный день, и чем больше она успеет, тем лучше. Она несколько минут постояла на балконе, наблюдая, как солнечные лучи купаются в крупных каплях, оставленных дождем на зеленых листьях. Полина сделала несколько глубоких вдохов, чувствуя медовую нежность цветочных ароматов. Усилием воли прогнала оставшееся напряжение из мышц и даже улыбнулась.

Она в порядке. И всегда будет в порядке. Даже при том, что сквозь сон ей снова слышался плач, надрывный, не отпускавший ее годами...

Утром она не позволяла себе погружаться в воспоминания, она и так отдала им большую часть ночи. Полина готовилась к новому дню, прикидывала, что нужно сделать сегодня. Ей хотелось побеседовать со всеми, чьи родственники пострадали при крушении отеля, без исключений.

Потому что порой кажется, что человек в норме. Он весел, он бодр, он насмешливо отмахивается от взволнованных вопросов. У тебя все хорошо? Точно? Конечно! Помощь для слабых!

А внутри этот же человек рыдает, истекает кровью, надеется, что кто-то догадается, увидит правду сквозь улыбку и смех. Протянет руку, не даст эту руку оттолкнуть... Но чудеса случаются редко. И вот уже человек, улыбавшийся утром, днем делает шаг с десятого этажа или вечером выпивает куда больше таблеток, чем следовало бы. Когда такое случается, даже боль меркнет на фоне злого удивления толпы. Да как он мог? Говорил же, что все в порядке! Обманул, всех обманул...

Полина слишком хорошо понимала, что есть люди, которые в таких ситуациях не могут не обманывать. Они несут боль в себе... В английском языке есть эквивалент образа капли, переполняющей чашу, – соломинка, ломающая спину верблюду. Этот вариант Полина считала более подходящим для своей работы. Сегодня она планировала искать как раз их: зверей, способных безропотно тащить чудовищный груз, пока не сломается позвоночник.

Ресторан открывался в семь утра, Полина использовала оставшееся время, чтобы собраться и уже не возвращаться в отельный номер. Она предпочла закрытое белое платье с капюшоном – на случай, если все же доведется побеседовать с местными женщинами, каждый день дежурящими у ворот. Эти женщины ее напрягали.

Волосы она заплела в косу, чуть подкрасилась – но не слишком. Полина прекрасно знала, что с ярким макияжем она будет похожа или на злую ведьму, или на цыганку – пародийную, какими их показывали в старых фильмах. Так уж вышло, что ее специфическая внешность куда лучше смотрелась без косметики. Отец Гавриил, смеясь, называл ее «дворяночкой». Они оба знали, что шуткой это было лишь наполовину.

В столь ранний час мир еще спал. Солнце же вело себя как шаловливый ребенок, который праздничным утром проснулся раньше родителей. Оно целовало лепестки цветов, и они, еще влажные, нежные, расправляли пестрые крылышки. Оно будило птиц, и птицы порхали высоко в синеве, создавая первую мелодию дня разнотонным пением. Оно испаряло крошечные капельки с сосновых иголок, и повсюду вился пряный аромат хвои.

Полине нравилось наблюдать за этим, она устроилась на открытой террасе ресторана, пустой в такой час. На столике стояла вазочка из белого фарфора с маленькими садовыми розами. Чуть снулый, но вечно веселый русский повар лично испек для ранней гостьи пышные блинчики. Розовое варенье, полупрозрачное и полное забавных пузырьков воздуха, искрилось на солнце. Мед был похож на янтарь – светлый, словно едва простившийся с волнами Балтийского моря. Официант принес Полине чашку кофе, на котором молочной пенкой был нарисован цветок гибискуса.

Сейчас ей хотелось думать лишь об этом, видеть, чувствовать... А потом уже заняться всем остальным. Полина старалась оградить свободное время от работы, за едой же тревога и вовсе была недопустима: тогда ко всем проблемам дня прибавится еще и расстройство желудка. Сомнительная радость.

Поэтому за завтраком Полина позволяла себе забыть о том, кто она такая на самом деле и где находится. Она превращалась в обычную туристку, жизнь которой течет мерно и правильно. Она лишь отдыхает в этом райском уголке, а дальше все обязательно будет хорошо.

В памяти вертелась строчка из стихотворения Александра Блока: «Мои мечты – священные чертоги». Само стихотворение Полина не любила, а вот эта строка возвращалась снова и снова в дни, когда ей хотелось спрятаться от мира, пусть даже в собственном воображении.

– Доброе утро, Полина. Я вам не помешаю?

Она, засмотревшаяся на просыпающийся сад, даже не заметила, как к ней подошел Марат Майоров собственной персоной. Странно было видеть его здесь, почему-то казалось, что представители столичной богемы обязательно должны спать до полудня.

Но судя по тому, что Майоров был бодр, свежевыбрит и одет не в первые попавшиеся под руку вещи, он так рано проснулся не случайно, а по привычке. Теперь он держал в руках чашку кофе щедрого объема и улыбался Полине. Улыбка была не отработанная на камеру, а на удивление очаровательная, словно они и правда были старыми друзьями.

Майорову не обязательно было садиться с ней – вся терраса оставалась свободной. И им вроде как не о чем говорить. Однако он слишком идеально вписывался в ее утреннюю фантазию, чтобы прогнать его. Лучше всех, пожалуй.

Кто еще подошел бы? Боря Доронин на таких заданиях ходил с видом мрачным и траурным – да и понятно почему, но легче от этого не становилось. К тому же им лучше пока не оставаться наедине. Ее коллеги на этом задании настоящими подругами не были, они рвались обсуждать истории пострадавших днем и ночью, а Полина такое не любила. Отец Гавриил, при всем своем уме, круглые сутки оставался служителем церкви, и это следовало учитывать.

Ну а Майоров – он ведь не зря искусству обмана служит. Он был красивым, постановочным элементом этого утра. Улыбчивый, обаятельный, не обозленный, не страдающий, жизнью не избитый. Способный отстраняться и смеяться, идеальная пара для беззаботной туристки, которую придумала Полина.

Мои мечты – священные чертоги...

– Садитесь, – кивнула Полина. – Я вот, знаете, после нашего разговора все никак не могла вспомнить: назвала я вам свое имя или нет?

– Не назвали, но это моя оплошность – я был так очарован, что не спросил. Пришлось узнавать окольными путями, я ошибся – мне и исправлять.

– Не так уж велика ошибка, я ваше имя тоже, кажется, не спросила. Но вас не удивляет то, что оно известно по умолчанию.

Он не смутился, однако Полина и не ожидала от него смущения.

– Есть просто некие грани реальности, к которым привыкаешь. Я не считаю вас своей фанаткой, кстати. Не думаю, что вы вообще видели хоть один фильм с моим участием.

– Я не собиралась делать на этом акцент.

– О, вам и не нужно. Собственно, я здесь как раз потому, что безразличен вам. От иного быстро устаешь.

Полина знала, что он с ней флиртует, – и знала, что в этом нет ничего личного. Такой вот парадокс. Майоров был частью светской тусовки, там свои модели поведения. Вряд ли он даже осознавал их, просто действовал так, как привык. Но опять же, для фантазии идеального утра подходил как раз этот смеющийся мужчина.

Впрочем, смеялся он недолго. Майоров тоже перевел взгляд на ухоженный сад, прижал обе руки к чашке кофе, словно пытаясь согреться. Похоже, его что-то волновало, и это было любопытно – но не настолько, чтобы задавать вопросы. Потому что ответы могли оказаться связаны с ее профессией, а переключаться на это Полине пока не хотелось.

Да и потом, она не забывала, что любые ее слова, прозвучавшие в беседе с ним, могут попасть в фильм или, того хуже, на ток-шоу. Сомнительная радость.

– Как думаете, долго это будет продолжаться? – наконец спросил он. Голос звучал тихо и непривычно печально. – Все, что здесь происходит... когда это закончится? У вас в таких делах опыта побольше.

– Опыт здесь не имеет такого уж большого значения. Каждая история индивидуальна и непредсказуема. Слишком много переменных.

– Каких же?

– Какая будет погода и как она повлияет на темп работ. Что мы найдем под завалами. Какая судьба постигнет пропавших без вести. Достаточно примеров?

Полине не хотелось задеть его, поэтому пока она говорила спокойно. Такая беседа уже не укладывалась в сценарий идеального утра, но... За фантазии можно держаться лишь до определенного предела.

– То есть неизвестность, – задумчиво указал Майоров. – И долго ее можно выносить?

– Прежде всего следует выстроить правильное отношение к ней. В нынешней ситуации худшее уже произошло... Могут быть еще трагедии, но менее масштабные. Поэтому мы должны сосредоточиться на восстановлении и исцелении, не думая о времени, которое для этого понадобится.

– Я даже завидую вашей уверенности... Полина, вы ведь, наверно, уже догадались, что у меня есть к вам вопрос?

– Я уже даже слышала несколько.

– Нет, я... Я имею в виду вопрос личного характера – для меня...

Любопытство все же вспыхнуло, не слишком сильное, однако достаточное для того, чтобы не сворачивать разговор с вежливой улыбкой.

– Что за вопрос?

– Он несколько нелепый, наверно... Думаю, даже смешной. Но мне почему-то показалось, что вы его поймете...

Полина не торопила его, не заверяла, что смешных личных вопросов не бывает, – этого не требовалось. Для многих людей вся эта лишняя болтовня становится способом подавить

робость, не более того. Вот только Майоров прежде казался ей человеком, который не способен смущаться, прет к цели напролом. Похоже, она поторопилась с его портретом и теперь готовилась к работе над ошибками.

Но услышать его вопрос Полина так и не успела, отвлеклась, потому что в отеле стало беспокойно.

Сначала это было лишь общее ощущение – что мир встрепенулся, пропали расслабленность и сонливость утра. Потом у этого ощущения появились отдельные признаки: охранники, что-то кричащие с улицы поварам, повышенные голоса, бегущие куда-то люди. Они не радовались – они были встревожены. Значит, неожиданная новость, которая распространялась все быстрее, не из приятных.

От таких новостей нельзя прятаться, даже если хочется. На них нужно реагировать как можно скорее.

Майоров тоже заметил растущее напряжение:

– Что происходит? Вы тоже это видите?

– Что-то случилось, – коротко пояснила Полина.

С этого момента Майоров попросту не имел значения. Он был, по сути, одним из туристов; обывателем, не способным повлиять на происходящее. А она должна...

Полина поспешно покинула ресторан и огляделась по сторонам. Вокруг по-прежнему было немногочленно, но те, кто уже проснулся, спешили к пляжу, именно там нарастал теперь гул голосов.

Это было очень плохо – о причинах Полина догадывалась. Она ни на секунду не забывала, что ночью прошел шторм, пусть и не такой сильный, как изначально. А после любого шторма море обычно вышвыривает на пляжи какой-нибудь мусор: водоросли, пластик, обломки досок. Судя по тревоге, переходящей в страх, на этот раз одним лишь мусором дело не обошлось.

Полина побежала вперед, за пару минут добралась до лестницы, ведущей вниз, – и замерла, не в силах двинуться дальше.

На пляже лежали человеческие тела. Немного, меньше десяти, но и это было страшно. Утонувшие не только что, уже побитые о камни, обмотанные водорослями, они замерли там, где не так давно добровольно ложились, загорая, и в этом чувствовалась какая-то чудовищная издевка мироздания. Неподалеку кружили чайки, возмущенно кричали, но не приближались, потому что на пляже были теперь и живые люди.

И вот это оказалось хуже всего. Полина уже видела небольшую, стихийно сбившуюся группу постояльцев, бродившую по территории отеля, – в нее входили друзья и родственники тех, кто в ночь большого шторма пропал без вести. Они иногда возмущались, что спасатели ничего для них не делают, но чаще пытались справиться своими силами: рыскали по лесам, сидели у моря. Они, кажется, и нашли несчастного парапланериста... а теперь вот обнаружили зловещий подарок ночного шторма. Вряд ли они все просыпались так рано, скорее всего, кто-то из них дежурил тут с рассвета, а потом позвал остальных.

Сейчас эти люди прибежали первыми, увидели то, к чему иначе их так легко не подпустили бы, – и сами себе сделали хуже. Они ведь до последнего надеялись, что их родные еще живы, спаслись каким-то чудом, и плевать на жестокую теорию вероятности. Спаслись, и все!

Теперь же они видели не просто близких людей, изуверченных смертью. Они видели рухнувшие мечты и бесплодные надежды. Мертвых тел на пляже было куда меньше, чем пропавших без вести, поэтому многие родственники растерянно топтались в стороне и лишь некоторые рыдали, стоя на коленях на мокром песке.

Полина поспешила вниз, отчаянно прикидывая, что можно сделать в такой ситуации, как ее исправить. Но стало не лучше, а хуже, пусть и не из-за психолога. Она едва спустилась, когда над побережьем, затихшим перед лицом трагедии, вдруг пронесся крик, громкий, резкий, резанувший по нервам всех собравшихся:

– Где наш сын?!

Те, кто узнал в мертвецах своих близких, не касались тел, боялись их, смотрели со стороны, впитывая образы, которые им еще долго придется изгонять из памяти, и лишь одна женщина вела себя иначе.

Она налетела на потемневшего, распухшего мертвеца, отчаянно сжала тонкими пальцами остатки его одежды, умудрилась даже приподнять его – хотя сама была раза в два меньше. Женщина эта, маленькая, хрупкая, казалась демоном, вырвавшимся из пустоты. Ее глаза сияли безумием, горели двумя звездами на посеревшем от горя лице. Ее длинные волосы, выгоревшие на солнце, смотрелись седыми. Они разметались вокруг головы белыми змеями, растрепанными на ветру крыльями чайки. Женщина, напряженная, дрожащая, трясла мертвеца так отчаянно, словно надеялась его разбудить. Ее даже смерть не могла ни отпугнуть, ни остановить, ей нужны были ответы. Ее голос, отчаянно громкий, разлетался теперь и над землей, и над морем:

– Андрей, где наш сын? Где Тимур? Ты должен был присматривать за ним!

Ее пытались отвести в сторону сначала мягко, потом решительно, но не получалось. В ее худеньком теле появилась необъяснимая, превосходящая человеческие возможности сила. Она прижалась к мертвецу, словно слилась с ним, и все остальные перестали для нее существовать. Для нее они вообще не имели значения, важны были только ее мертвый муж и мальчик, которого море так и не вернуло.

Потом до пляжа добрались спасатели, женщине сделали укол и унесли ее, обмякшую, затихшую, в корпус отеля. Людей и прогонять было не нужно, они, потрясенные ее криками, сами отшатнулись. Первый шок прошел, началась работа.

Но даже теперь, когда пляж огородили, а жизнь входила пусть и в страшную, но знакомую колею, Полине в голосах чаек снова слышался рвущийся из груди на свободу материнский крик:

– Где наш сын?!

Глава 4

Добрые сны приносят печаль

Ночью Борис увидел прекрасный сон, поэтому проснулся спасатель в отвратительном настроении. Как знал, что день будет паршивым!

Все почему-то бояться кошмаров... или, по крайней мере, не любят их. Борису кошмары снились редко и не оставляли после себя никаких впечатлений. Проснувшись, он мгновенно понимал, что ничего плохого с ним не случится, успокаивался и позволял себе забыть.

А вот хорошие сны были редкостной дрянью, потому что они обычно нарастали вокруг самых дорогих воспоминаний. Сновидения снова и снова заставляли его окунуться в то, что нельзя вернуть, почувствовать счастье, которое осталось где-то в далеком прошлом, утерянное навсегда. И он понимал, проснувшись, что это все не по-настоящему и настоящим уже не будет. Однако облегчения такое открытие не приносило.

Этой ночью ему снилась Полина – и он сам. Те два наивных студента, почти ребенка, которыми они были тогда. Их первая поездка к морю... Видно, здешние красоты напомнили. Был май, и все вокруг цвело. Полина поражалась тому, какие красивые на юге каштаны – крупные, яркие, иногда даже розовые. Она на каждый указывала рукой и улыбалась:

– Смотри, смотри!.. Какой!

Борис снисходительно улыбался в ответ и иногда даже закатывал глаза. Не мог же он открыто восхищаться какими-то там цветочками, в самом деле? Он, скорее, восхищался ею, ее сияющим от восторга взглядом, ее чуть выющимися от соли и высокой влажности волосами. Но и об этом он молчал, любые слова казались какими-то натужными, слишком романтическими, неподходящими. Он и тогда, и весь их брак любил ее молча, даже себе не признаваясь, что любит.

В реальности каштановая аллея была совсем короткой. Во сне она тянулась бесконечно, и Полина смеялась, и солнечные лучи пробивались сквозь густую листву и оседали на волосах девушки рыжими пятнами...

Вот потому настроение у Бориса было хуже некуда с самого утра. К чему эти сны, зачем? Да еще такие, что счастье в какой-то момент ощущается реальным. Кому это нужно? Он серьезный человек, у него трое детей!.. Он в срочном порядке находил в памяти все эти солидные, важные аргументы и засыпал ими оставленное сном счастье, как пожар засыпают песком. Кажется, помогло. Но настроение лучше не стало.

Ну а дальше у него и вовсе появились причины держаться за это плохое настроение – он узнал о мертвых телах, которые шторм вымыл на берег. Трупов оказалось семь, все с «Сонай» – прогулочного катера, который тем утром ушел в море. Шесть туристов, один член экипажа. Мало, конечно, на борту было гораздо больше народа. Но тут важен сам факт...

«Сонай» ведь до последнего оставался среди добрых надежд. Да, с катером не было связи несколько дней. Но это не означало гибель: могло быть повреждено оборудование, мог исчезнуть сигнал. Многие предпочитали верить, что катер просто потерялся в море, дрейфует где-то там, ждет спасения. Или что он добрался до дальнего порта и из-за общей неразберихи, созданной штормом, никак не может связаться с отелем. «Сонай» был относительно большим и новым судном, у него сохранялись все шансы выжить.

И вот появились эти мертвецы. Возможно, их попросту вымыло за борт, так что надежда на возвращение катера оставалась, но уже не такая сильная, как раньше. Она теперь едва теплилась...

Борис, проходя мимо пляжа, видел, что с родственниками погибших работает Полина. Она была не такой, как в его сне, – и при этом такой же. Странное сочетание, злившее его еще

больше. Злость требовала выхода, и он предпочел обратить ее в энергию, столь необходимую при разборе завалов.

Но и тут не все было гладко. Упавшие стены и перекрытия сдвигались с трудом, бетон крошился, дерево рассыпалось. Борису казалось, что рухнувший отель издевается над ним, и спасателю понадобилась вся сила воли, чтобы скрыть это чувство от окружающих.

Из-за того, что сегодня решительно все шло не так, работа продвигалась мучительно медленно. Миновала половина дня – а им удалось извлечь из руин только два трупа. Злость начинала брать верх, Борис понял, что это не дело, и объявил перерыв чуть раньше, чем планировал. Людям сейчас нужно было отдохнуть, отдышаться, очиститься от вездесущей серо-ватой пыли, а ему – прийти в себя.

Делать это он предпочитал в одиночестве, но на сей раз одиночество бесцеремонно украли. Стоило Борису отойти в сторону с бутылкой воды, как на лавку рядом с ним всем своим грандиозным весом плюхнулся Александр Зотов. Лавка жалобно заскрипела, прогнулась, но выдержала.

– Борис Эдуардович, добрый день, – кивнул ему Зотов. – Как у вас там? Что-нибудь нужно?

– Желательно, чтобы не было логистических проблем, как сегодня. Цирк на ровном месте.

Борис не стал продолжать, в этом не было необходимости. Судя по мрачному взгляду Зотова, руководитель и так знал, что произошло.

Тела погибших не хранились на территории отеля – из-за отсутствия подходящих условий. Их на специальных машинах отправляли в ближайший город, уже там проводились и вскрытия, и все процедуры, необходимые для пересылки трупа в другую страну. Процесс был налажен неплохо, машины дежурили в «Пайн Дрим» постоянно и быстро уезжали.

Но сегодня быстро не получилось. У ворот устроили стихийный митинг местные женщины. Их было немного, но они оказались на удивление шумными и буйными. Борис понятия не имел, что им нужно, да и не интересовался. Его заботила лишь судьба мертвых тел, которые могли пострадать из-за этой напрасной суеты.

Полиция подоспела вовремя, женщин разогнали, задержка получилась незначительная – всего на полчаса. Но это не должно было становиться традицией, потому что вести о новых извлеченных из-под завалов телах быстро разлетались, к машинам стягивались родственники, жаждущие узнать, не их ли близких наконец освободили для вечного покоя.

– Я сделаю все, чтобы это не повторилось, – заверил его Зотов.

– Да уж надеюсь... Чего они вообще хотели?

– А чего могут от нас хотеть местные? Эта их, с позволения сказать, стачка была спровоцирована двумя основными причинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.